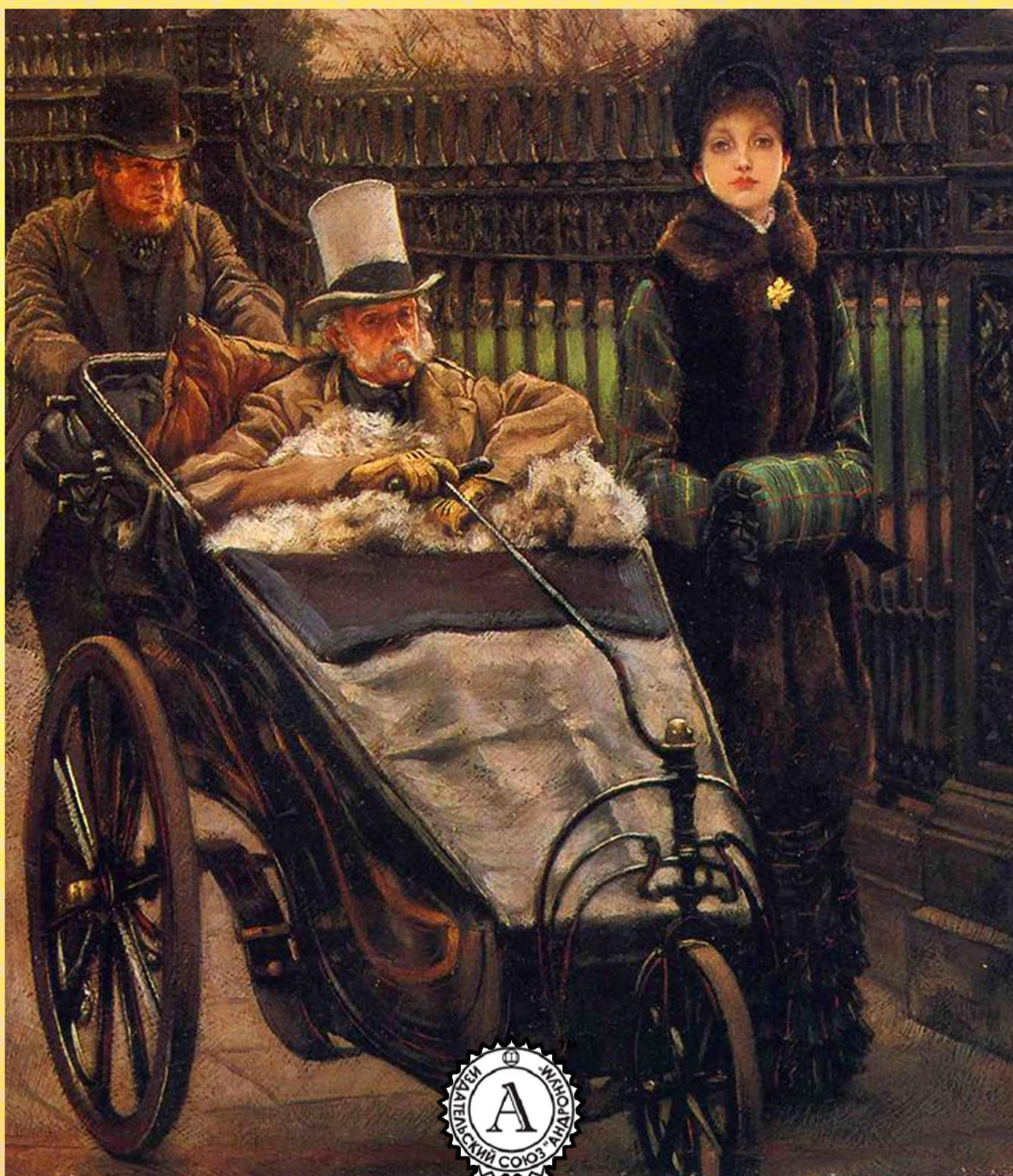


Уильям Коллинз

Армадэль



Уильям Уилки Коллинз

Армадэль

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Коллинз У.

Армадэль / У. Коллинз — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Армадэль» – мистический роман великого английского писателя и драматурга Уильяма Уилки Коллинза (англ. William Wilkie Collins, 1824 – 1889).***Это удивительная история о двух дальних родственниках с одинаковыми именами – Аллан Армадэль. Отец одного из них убил отца второго, когда их сыновья были еще младенцами, и вскоре умер сам, оставив сыну письмо с признанием о содеянном...Другими известными произведениями Уилки Коллинза являются «Тайный брак», «Новая Магдалина», «Две судьбы», «Опавшие листья», «Черная ряса». Уильям Уилки Коллинз заслужил славу и признание еще при жизни. Его произведения переведены на разные языки мира, а его захватывающие детективные сюжеты послужили основой для нескольких фильмов.

© Коллинз У.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

| | |
|--|----|
| Том 1 | 5 |
| Книга первая | 5 |
| Глава I. Путешественники | 5 |
| Глава II. Основательная сторона шотландского характера | 8 |
| Глава III. Кораблекрушение | 12 |
| Книга вторая | 32 |
| Глава I. Тайна Озайяза Мидуинтера | 32 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 47 |

Уилки Коллинз

Армадэль

Том 1

Книга первая

Глава I. Путешественники

На вильдбадских водах открылся сезон 1832 года.

Вечерний сумрак начал собираться над спокойным немецким городком; дилижанса ждали каждую минуту. Перед дверью главной гостиницы ожидали приезда первых посетителей сезона три главных лица в Вильдбаде со своими женами: бургомистр – представитель жителей, доктор – представитель вод, трактирщик – представитель своего собственного заведения. За этим избранным кружком в опрятном маленьком сквере перед гостиницей собрались городские жители, смешавшись с поселянами в их причудливых немецких костюмах. Все ожидали дилижанса: мужчины – в коротких черных куртках, узких черных панталонах, в треугольных поярковых шляпах; женщины – с длинными, светлыми косами, спускавшимися на затылок, в коротких шерстяных юбках, корсажи которых скромно закрывали шею. За этими группами резвились полненькие, белоголовые ребятишки. Таинственно отделившись от остальных жителей, музыканты собрались в уголке и ждали появления первых посетителей, чтобы приветствовать их первой серенадой в этом году. Свет майского вечера еще мелькал на вершине больших лесистых холмов, возвышавшихся над городом с правой стороны и с левой. Холодный ветер, начинавшийся перед закатом солнца, доносил благоухание сосен из Шварцвальда.

– Господин трактирщик, – сказала жена бургомистра, величая хозяина гостиницы его полным титулом, – к вам будут какие-нибудь иностранцы в этот первый день сезона?

– Госпожа бургомистерша, – отвечал трактирщик, платя ей за комплимент, – я жду двоих. Они написали, – один рукою слуги, другой, кажется, собственной своей рукою, – чтобы приготовить комнаты для них. Они оба из Англии, как я сужу по их именам. Однако, если вы попросите меня выговорить их имена, язык мой запнется; если же вы попросите меня сложить их, вот они: буква по букве, первое и второе по тому порядку, как они приедут. Первый знатный иностранец, по титулу мистер. Имя его состоит из восьми букв: А, р, м, а, д, э, л, ь; он больной и едет в своей собственной карете; второй знатный иностранец, по титулу также мистер. Имя его состоит из четырех букв: Н, и, л, ь; он едет больной в дилижансе. Его превосходительство из восьми букв пишет ко мне рукою слуги, по-французски; его превосходительство из четырех букв пишет мне по-немецки. Комнаты для обоих готовы. Больше я не знаю ничего.

– Может быть, – намекнула бургомистерша, – вы, доктор, слышали об этих знаменитых иностранцах?

– Только об одном, и то не от него самого. Я получил известие от доктора его превосходительства из восьми букв, и болезнь его, кажется, неизлечима. Бог да поможет ему!

– Дилижанс! – закричал ребенок из толпы.

Музыканты схватили свои инструменты, и везде водворилась тишина. Вдали, в гуще леса, в вечерней тишине раздался слабый звук колокольчиков. Какой экипаж приближался: собственная ли карета мистера Армадэля или дилижанс с мистером Нилем?

– Играйте, друзья мои! – закричал бургомистр музыкантам. – Публичный или частный это экипаж – это первые больные в нынешнем сезоне. Пусть они найдут нас веселыми.

Оркестр заиграл веселый танец; дети в сквере топали ножками под музыку. В ту минуту родители их, стоявшие у двери гостиницы, расступились и обнаружили первую мрачную тень, спустившуюся на веселость и красоту этой сцены. В проход, сделанный с каждой стороны расступившейся толпой, последовала процессия дородных поселянок; каждая везла за собою пустое кресло на колесах, каждая ждала с вязаньем в руках несчастных, разбитых параличом, приезжавших раньше сотнями и приезжающих теперь тысячами на вильдбадские воды для облегчения.

Пока оркестр играл, пока дети танцевали, пока голоса разговаривавших звучали все громче, пока сильные молодые сиделки ожидаемых калек вязали, ненасытное женское любопытство обнаружилось в жене бургомистра. Она отвела трактирщицу в сторону и задала ей вопрос:

– Скажите мне хоть слово об этих двух иностранцах из Англии: говорилось ли в их письмах, что с ними будут дамы?

– С тем, который приедет в дилижансе, – нет, – отвечала трактирщица, – но с тем, который приедет в своей карете, – да. Он приедет с ребенком, он приедет с нянькой и, – заключила трактирщица, искусно скрывая главное в ответе на вопрос, – он приедет с женой.

Бургомистерша просветлела; докторша, участвовавшая в разговоре, просияла; трактирщица значительно кивнула головой. В уме всех трех промелькнула одна и та же мысль в эту минуту: «Мы увидим моды!»

Через минуту началось внезапное движение в толпе, хор голосов провозгласил, что путешественники близко.

В это время дилижанс уже был виден, и всякое дальнейшее сомнение исчезло. Дилижанс приближался по длинной улице, которая вела к скверу, дилижанс, восхитительно выкрашенный желтой краской, дилижанс, привозивший первых посетителей сезона к дверям гостиницы. Из десяти путешественников, вышедших из среднего и заднего отделения дилижанса, приехавших из разных частей Германии, троих вынесли на руках и посадили в кресла на колесах, на которых повезли в квартиры, нанятые для них в городе. В переднем отделении сидели только два пассажира: мистер Ниль и его слуга. Опираясь на чужие руки с каждой стороны, иностранец – болезнь которого состояла в хромоте одной ноги – успел спуститься со ступенек дилижанса довольно легко. Пока он утверждался ногами на мостовой с помощью своей палки, не слишком ласково смотря на музыкантов, которые угощали прибывших вальсом из «Фрейшюца»¹, его наружность несколько охладила энтузиазм кружка, собравшегося встретить его.

Это был худощавый, высокий мужчина средних лет, с холодными серыми глазами и с длинной верхней губой, с нависшими бровями и выдававшимися скулами, человек, казавшийся именно тем, кем он был – шотландцем с головы до ног.

– Где хозяин этой гостиницы? – спросил он очень свободно по-немецки и с ледяной холодностью в обращении. – Позовите доктора, – сказал он, когда трактирщик представился ему. – Я хочу видеть его сейчас.

– Я здесь, – сказал доктор, выходя из дружеского кружка. – Я к вашим услугам.

– Благодарю, – сказал мистер Ниль, смотря на доктора, как все мы смотрим на собаку, которая является на наш свист. – Я буду рад посоветоваться с вами завтра утром в десять часов о моей болезни. Теперь же я побеспокою вас поручением, которое я взялся вам передать. Мы перегнали дорожный экипаж одного господина англичанина, который, по-видимому, опасно болен. Дама, которая едет с ним, просила меня немедленно увидеться с вами по приезде и попросить вас помочь вынести больного из кареты. С курьером их что-то случилось, и они

¹ «Фрейшюц» («Вольный стрелок») – опера немецкого композитора К. М. Вебера.

оставили его на дороге; они принуждены ехать очень медленно. Если вы будете здесь через час, вы успеете их принять. Вот то поручение, которое мне дали к вам. Кто этот господин, который, по-видимому, с таким нетерпением желает говорить со мной? Бургомистр? Если вы желаете видеть мой паспорт, мой слуга покажет вам. Нет? Вы желали встретить меня и предложить ваши услуги? Мне это чрезвычайно лестно. Если вы можете приказать оркестру перестать играть, вы сделаете мне одолжение: мои нервы раздражительны, а музыки я терпеть не могу. Мне не нужна вашей руки, я могу взойти наверх с помощью моей палки. Господин бургомистр и господин доктор, мы не должны задерживать друг друга долее. Желаю вам спокойной ночи.

И бургомистр, и доктор посмотрели вслед шотландцу, когда он, прихрамывая, поднимался по лестнице, и покачали головою с безмолвным неодобрением. Дамы по обыкновению сделали шаг далее и открыто выразили свое мнение самыми бесцеремонными словами. Этот человек имел дерзость пройти мимо, не обратив на них никакого внимания. Бургомистерша приписывала подобное оскорбление только врожденной свирепости дикаря. Докторша смотрела на это еще строже и считала такой поступок врожденной грубостью свиньи.

Ночь тихо спускалась на холмы. Звезды появились одна за другой, и первые огни замелькали в окнах гостиницы. Когда наступила темнота, последние группы встречавших разошлись из сквера. Могущественное безмолвие Шварцвальда воцарилось над долиной и как бы заставило смолкнуть уединенный городок.

Шли часы, и только фигура доктора, с беспокойством ходившего взад и вперед, мелькала в сквере. Прошло немало времени, прежде чем первые звуки, раздавшиеся в ночной тишине, дали ему знать о приближении экипажа. Медленно, как крестьянские дроги, въехал он в сквер и остановился у дверей гостиницы.

– Доктор здесь? – спросил женский голос по-французски из темной глубины кареты.

– Я здесь, – отвечал доктор, взяв свечу из рук трактирщика, отворяя дверцу кареты.

Первое лицо, на которое упал свет, было лицо говорившей женщины, молодой черноволосой красавицы, в черных глазах которой сверкали слезы. Второе лицо принадлежало морщинистой старой негритянке, сидевшей напротив дамы, на передней скамейке. Третье было лицо ребенка, спящего на коленях негритянки. Быстрым и нетерпеливым движением дама сделала негритянке знак выйти с ребенком из кареты.

– Пожалуйста, отведите их в наши комнаты! – сказала она трактирщице.

Сама дама вышла, когда ее просьба была исполнена. Тогда огонь в первый раз осветил задний угол кареты и четвертого путешественника.

Он лежал на тюфяке, его длинные и растрепанные волосы выбивались из-под черной ермолки; глаза, широко раскрытые, тревожно бегали по сторонам; само же лицо его, неподвижное и темное, казалось окаменелым, невозможно было понять, что оно выражает, каким оно было прежде. Глядя на мертвенное лицо путешественника, нельзя было и составить представления о его летах, звании, характере и наружности, которые он имел до болезни. Это было следствие поразившего его паралича. Глаза доктора скользнули по ногам, и паралич отвечал: я здесь. Глаза доктора, внимательно поднимавшиеся выше, задержались на мускулах рта, и паралич отвечал: я подвигаюсь.

При виде столь страшного и беспощадного бедствия ничего нельзя было сказать. Женщине, которая стояла и плакала у дверей кареты, можно было предложить только безмолвное сочувствие.

Когда больного несли на тюфяке через переднюю гостиницы, его блуждающие глаза встретились с глазами жены. Они остановились на ней на одно мгновение, и в это мгновение он заговорил:

– Где ребенок? – спросил больной по-английски, медленно и трудно произнося слова.

– Ребенок наверху, – отвечала жена слабым голосом.

– Моя письменная шкатулка?

– Она у меня в руках – посмотри! Я никому ее не доверила; я берегу ее для тебя.

Он закрыл глаза в первый раз после прибытия и не сказал ничего более. Осторожно отнесли его наверх. Жена шла по одну сторону, доктор, хранивший молчание, – по другую. Трактирщик и слуга, следовавшие сзади, видели, как дверь комнаты отворилась и затворилась за ними, слышали, как дама истерически зарыдала, как только осталась одна с доктором и больным. Доктор вышел через полчаса. Его лицо было очень бледным. Присутствующие закидали его вопросами и получили только один ответ:

– Подождите, пока я увижу его завтра. Не спрашивайте меня ни о чем сегодня.

Все знали привычки доктора и сделали дурное заключение, когда он торопливо ушел после этого ответа.

Таким образом, эти два англичанина приехали на вильдбадские воды в 1832 году.

Глава II. Основательная сторона шотландского характера

В десять часов на другое утро мистер Ниль, ждавший визита доктора, которому он сам назначил это время, взглянул на часы и понял, к удивлению своему, что он ждет напрасно. Было почти одиннадцать, когда дверь отворилась, наконец, и доктор вошел в комнату.

– Я назначил десять часов для вашего визита, – сказал мистер Ниль. – В моем отечестве доктор всегда аккуратен.

– А в моем отечестве, – отвечал доктор без малейшего смущения, – доктор точно так, как все другие люди, зависит от обстоятельств. Прошу вас принять мои извинения, что я так опоздал: меня задержало очень печальное обстоятельство – болезнь мистера Армадэля, карету которого вы обогнали на дороге вчера.

Мистер Ниль посмотрел на доктора с неприязнью и удивлением. В глазах доктора чувствовалось какое-то беспокойство, обращение доктора показывало какую-то озабоченность, которые мистер Ниль никак не мог объяснить себе. С минуту оба господина молча смотрели друг на друга. Их лица отличались резким национальным контрастом: лицо шотландца – длинное и худощавое, суровое и бледное; лицо немца – круглое и полное, румяное и мягкое. Первое имело такой вид, как будто никогда не было молодо, второе – как будто никогда не должно было состариться.

– Смею напомнить вам, – сказал мистер Ниль, – что мы теперь должны рассуждать о болезни моей, а не мистера Армадэля.

– Конечно, – отвечал доктор, как будто колеблясь между болезнью, которую он пришел лечить, и той, которую он только что оставил. – Вы, кажется, хромаете? Позвольте мне посмотреть вашу ногу.

Болезнь мистера Нилия, как ни серьезна могла она казаться в его глазах, не имела опасности с медицинской точки зрения. Он страдал от ревматизма в сгибе ноги. Необходимые вопросы были заданы, необходимые ответы были получены, необходимые ванны предписаны. Через десять минут консультация была окончена, и больной многозначительно молчал, ожидая, чтобы доктор ушел.

– Я очень хорошо понимаю, – сказал доктор, вставая и несколько колеблясь, – что я задерживаю вас, но я вынужден просить вашего снисхождения, если я опять обращусь к болезни мистера Армадэля.

– Могу я спросить, что вас принуждает к этому?

– Обязанность христианина к умирающему, – отвечал доктор.

Мистер Ниль вздрогнул. Те вопросы, которые касались чувства его религиозной обязанности, затрагивали самую живую струну в его характере.

– Вы предъявили право на мое внимание, – сказал он серьезно. – Мое время принадлежит вам.

– Я не буду злоупотреблять вашей добротой, – отвечал доктор, опять садясь на свое место. – Я постараюсь рассказать все вкратце. Вот в чем дело. Господин Армадэль провел большую часть своей жизни в Вест-Индии, по его собственному признанию, он вел там разгульную и порочную жизнь. Вскоре после его женитьбы – три года тому назад – начали обнаруживаться первые симптомы паралича, и доктора предписали ему европейский климат. После отъезда из Вест-Индии он жил в Италии без всякой пользы для своего здоровья. Из Италии, до его последнего удара, он переехал в Швейцарию, а из Швейцарии был привезен сюда. Это я знаю из письма его доктора; остальное я могу сообщить вам из моих собственных наблюдений. Господин Армадэль прислали в Вильдбад слишком поздно: он уже почти мертв. Паралич быстро распространился кверху, и нижняя часть спинного мозга уже поражена. Он еще может немного шевелить руками, но в пальцах ничего не может держать. Он еще может произносить слова, но завтра или послезавтра может проснуться без языка. Проживет он самое большее неделю. По его собственной просьбе я сказал ему – так осторожно и так деликатно, как только мог, – то, что я теперь говорю вам. Результат был самый печальный. Я не могу даже описать вам, как сильно было волнение больного. Я решился спросить, не расстроены ли его дела. Ничуть не бывало. Завещание его находится в руках его душеприказчика в Лондоне, и он оставляет свою жену и своего сына с хорошим состоянием. Мой второй вопрос попал метко.

– Нет ли у вас чего-нибудь на душе, – спросил я, – что вы желаете сделать перед смертью и что еще не сделано?

Он вздохнул, и вздох этот выразил лучше слов: «Да».

– Не могу ли я помочь вам?

– Да. Я должен написать кое-что. Можете ли вы сделать, чтобы я мог держать перо?

Он мог бы точно так же спросить меня, не могу ли я сделать чудо. Я мог только сказать «нет».

– Если я буду диктовать, – продолжал он, – можете ли вы писать?

Опять я должен был сказать «нет». Я понимаю немного по-английски, но не могу ни говорить, ни писать на этом языке. Господин Армадэль понимает по-французски, когда говорят (как я говорю с ним) медленно, но он не может выражаться на этом языке, а по-немецки он совсем не знает. В таких затруднительных обстоятельствах я сказал то, что сказал бы всякий на моем месте:

– Зачем просить меня, госпожа Армадэль к вашим услугам в смежной комнате.

Прежде чем я успел встать со стула и сходить за его женой, он остановил меня. – не словами, а взглядом ужаса, который пригвоздил меня к месту.

– Уж конечно, – сказал я, – вашей жене приличнее всего написать то, что вы желаете.

– Менее всех! – отвечал он.

– Как! – говорю я. – Вы просите меня, иностранца и постороннего, писать под вашу диктовку то, что вы хотите скрыть от вашей жены!

Представьте себе мое удивление, когда он отвечал мне без малейшей нерешительности.

– Да.

Я сидел молча.

– Если вы не можете писать по-английски, – сказал он, – найдите кого-нибудь.

Я старался возражать. Он страшно застонал: это была мольба немая, похожая на мольбу собаки.

– Успокойтесь! Успокойтесь! – сказал я. – Я найду кого-нибудь.

– Сегодня же! – сказал он. – Прежде чем я останусь без языка, так, как теперь без рук.

– Сегодня, через час.

Он закрыл глаза и тотчас успокоился.

– Пока я буду ждать вас, – сказал он, – прикажите принести ко мне моего сына. – Он не выказывал нежности, когда говорил о своей жене, но я видел слезы на его щеках, когда

он спросил о своем ребенке. Моя профессия не сделала меня суровым, как вы, может быть, думаете, и моему докторскому сердцу было так тяжело, когда я пошел за ребенком, как будто я совсем не был доктором. Боюсь, что вы посчитаете это слабостью с моей стороны.

Доктор с умоляющим видом посмотрел на мистера Нилья. Но он мог точно так же смотреть на скалу в Шварцвальде. Никто не мог бы вывести его из области простых фактов.

– Продолжайте, – сказал он. – Я полагаю, вы сказали мне еще не все.

– Вы, наверно, понимаете цель моего посещения, – отвечал доктор.

– Ваша цель довольно ясна. Вы приглашаете меня слепо ввязаться в дело подозрительное в высшей степени. Я не дам вам ответа до тех пор, пока не узнаю все подробнее. Сочли ли вы нужным сообщить жене этого человека, что произошло между вами, и просить у нее объяснения?

– Разумеется, – отвечал доктор, негодуя на сомнения в его человеколюбии, которое подразумевалось в этом вопросе. – Эта несчастная женщина любит и жалеет своего мужа. Как только мы остались одни, я сел возле нее и взял ее за руку. Почему же нет? Я стар и некрасив и, конечно, могу позволить себе такие вольности.

– Извините меня, – сказал непроницаемый шотландец, – и позвольте заметить вам, вы теряете нить рассказа.

– Очень может быть, – отвечал доктор со своей прежней веселостью. – Привычка моей нации – постоянно терять нить, а привычка вашего народа – постоянно находить ее. Какой пример порядка во вселенной и взаимной гармонии вещей!..

– Сделаете ли вы мне одолжение раз и навсегда ограничиться фактами? – перебил мистер Ниль, нахмурившись. – Могу я узнать, сказала вам госпожа Армадэль, что муж ее желает заставить меня писать и почему он не хочет, чтобы писала она?

– Вот моя нить найдена. Благодарю, что вы отыскиали ее, – сказал доктор. – Вы услышите, что госпожа Армадэль сказала мне, расскажу ее собственными словами.

«Причина, по которой он лишает меня теперь своего доверия, – сказала она, – вероятно, та самая, которая всегда лишала меня его сердца. Я жена, с которой он венчался, но я не та женщина, которую он любит. Я знала, когда он женился на мне, что другой мужчина отнял у него любимую им женщину. Я думала, что смогу его заставить забыть ее. Я надеялась на это, когда выходила за него; я надеялась опять, когда родила ему сына. Нужно ли мне говорить вам, чем кончились мои надежды, – вы сами это видели». (Подождите, умоляю вас! Я не потерял нити рассказа, я следую за ней.) – Это все, что вы знаете? – спросил я.

«Когда мы были в Швейцарии, – отвечала она, – и когда болезнь его сделалась опасна, он узнал случайно, что женщина, которая отравила всю мою жизнь, так же как и я, родила сына. В ту минуту, когда он сделал это открытие – открытие, не заключавшее в себе ни малейшей важности, – им овладел смертельный страх – не за меня, не за себя, а за своего сына. В тот же самый день, не сказав мне ни слова, он послал за доктором. Я поступила низко, дурно – называйте это как хотите, – я подслушала у дверей. Я слышала, как он сказал: «Я должен сообщить кое-что моему сыну, когда он будет в таких летах, что поймет меня. Доживу ли я до этого?» Доктор ничего не сказал, наверно. В тот же самый вечер, ни слова мне не говоря, он заперся в своей комнате. Что сделала бы на моем месте женщина, с которой обращались таким образом? Она сделала бы то же, что и я: она подслушала бы опять. Я слышала, как он говорил: «Я не доживу до этого, чтобы сказать ему. Я должен написать это, прежде чем умру». Я слышала, как перо его скрипело, скрипело по бумаге, я слышала, как он стонал и рыдал, когда писал, я умоляла его именем Бога, чтобы он впустил меня. Жестокое перо скрипело, скрипело, скрипело, это жестокое перо было единственным его ответом мне. Я ждала у двери несколько часов – не знаю даже, сколько времени. Вдруг скрип пера прекратился, и я не слыхала ничего более. Я тихо шепнула в замочную скважину, что я озябла и устала ждать. Я сказала: «О мой возлюбленный,пусти меня!» Мне даже не ответило скрипом жестокое перо, мне отвечало безмолвие. Всей

силой моих слабых рук стучалась я в дверь. Пришли слуги и взломали дверь. Мы опоздали. Болезнь сделала свое дело: над этим роковым письмом его разбил паралич, над этим роковым письмом мы нашли его в таком состоянии, как вы видите его теперь. Слова, которые он просил вас писать, – те самые слова, которые он написал бы сам, если бы его до утра не разбил паралич. С того времени в письме оставалось пустое место, это-то пустое место он и просил вас заполнить». Вот какими словами миссис Армадэль говорила мне, в этих словах заключаются все сведения, какие я могу вам сообщить. Скажите, прошу вас, держался ли я нити? Показал ли я вам необходимость, которая привела меня сюда от смертного одра вашего соотечественника.

– До сих пор, – сказал мистер Ниль, – вы только показали мне ваше собственное волнение. Это дело слишком серьезно для того, чтоб обращаться с ним так, как вы обращаетесь теперь. Вы впутали меня в это дело, и я непременно хочу знать, как я должен действовать. Не поднимайте руки, они не имеют никакого отношения к вопросу. Если я должен быть замешан в этом таинственном письме, то благоразумие требует с моей стороны узнать, что заключается в этом письме? Миссис Армадэль, кажется, решилась сообщить вам бесчисленное множество семейных подробностей – в благодарность, я полагаю, за вежливое внимание, с каким вы взяли ее за руку. Могу я спросить, что она рассказала вам о письме ее мужа, о тех строках, которые были им написаны?

– Госпожа Армадэль не могла сказать мне ничего, – отвечал доктор с внезапной сухостью. Это показывало, что терпение изменяет ему. – Прежде чем она успокоилась настолько, чтобы подумать о письме, ее муж спросил о нем и велел запереть его в письменную шкатулку. Она знает, что он после старался закончить это письмо и что перо выпадало из его пальцев. Она знает, что, когда всякая надежда на его выздоровление исчезла, доктора посоветовали ему здешние знаменитые воды, наконец, она знает, что эта надежда напрасна, она знает, что я сказал ее мужу сегодня.

Нахмутив лоб, мистер Ниль сделался еще мрачнее. Он поглядел на доктора так, как будто доктор лично оскорбил его.

– Чем более я думаю о том положении, которое вы просите меня занять, – сказал он, – тем менее оно мне нравится. Можете ли вы утверждать положительно, что мистер Армадэль находится в здравом рассудке?

– Да, самым положительным образом.

– С согласия ли его жены вы пришли просить меня?

– Жена его послала меня к вам – к единственному англичанину в Вильдбаде – написать для вашего умирающего соотечественника то, что не может он написать сам и что никто здесь, кроме вас, не может написать.

Этот ответ не оставил мистеру Ниллю никакого повода к отказу, и все-таки шотландец сопротивлялся.

– Позвольте, – сказал он. – Вы утверждаете это горячо, но посмотрим, утверждаете ли вы это правильно. Посмотрим, действительно ли здесь нет никого, кроме меня, чтобы взять на себя эту ответственность. В Вильдбаде, во-первых, есть бургомистр: его официальное положение оправдывает его вмешательство.

– Конечно, никто так, как он, не годился бы для этого, – сказал доктор, – но он не знает никакого языка, кроме своего собственного.

– В Штутгарте есть английское посольство, – настаивал мистер Ниль.

– А сколько миль отсюда до Штутгарта? – возразил доктор. – Если мы пошлем туда сию минуту, мы не можем получить ответа из посольства раньше завтрашнего дня, а весьма вероятно, что умирающий завтра будет без языка. Я не знаю, безвредны или вредны его последние желания для его сына и для других, но я знаю, что их надо выполнить сейчас или никогда и что вы единственный человек, который может помочь ему.

Это заявление доктора прекратило спор и поставило мистера Нилья в необходимость сказать «да» и сделать неосторожный поступок или сказать «нет» и сделать поступок негуманный. Наступило молчание. Шотландец размышлял, немец наблюдал за ним.

Мистер Ниль заговорил первый, встав со стула.

– Меня принуждают насильно, – сказал он. – Мне ничего не остается, как только согласиться.

Впечатлительного доктора возмутила нелюбезность этого ответа.

– Ей-богу, желал бы я, – сказал он горячо, – знать по-английски настолько, чтобы занять ваше место у смертного одра мистера Армадэля!

– Исключая то, что вы призвали имя Господа Бога всеу, – отвечал шотландец, – я совершенно согласен с вами. Я сам бы этого желал.

Не говоря более ни слова, они вместе вышли из комнаты. Доктор показывал дорогу.

Глава III. Кораблекрушение

Никто не ответил на стук доктора, когда он и его спутник остановились у дверей комнат мистера Армадэля. Они вошли без доклада и, заглянув в гостиную, увидели, что она пуста.

– Я должен видеть госпожу Армадэль, – сказал Ниль. – Я отказываюсь участвовать в этом деле, пока миссис Армадэль сама лично не даст мне разрешения.

– Госпожа Армадэль, вероятно, у своего мужа, – отвечал доктор.

Он подошел к двери в конце гостиной, поколебался и, обернувшись, с беспокойством взглянул на своего сердитого спутника.

– Я боюсь, что я говорил несколько жестоко, когда мы выходили из вашей комнаты, – сказал он. – Убедительно прошу вас простить меня. Прежде чем войдет эта бедная женщина, вы извините меня, я буду просить вас быть с нею кротким и внимательным.

– Нет, – сурово возразил шотландец. – Я вас не извиняю. Какое право дал я вам думать, что не умею быть кротким и внимательным к кому бы то ни было?

Доктор увидел, что все его слова бесполезны.

– Еще раз прошу вас простить меня, – сказал он и оставил в покое неприступного иностранца.

Ниль отошел к окну и машинально стал смотреть на открывавшийся из окна вид.

Был полдень, солнце сияло ярко, было тепло. Весь маленький Вильдбад оживился и посветлел с наступлением весенней погоды. Тяжелые телеги, управляемые чернолицыми угольщиками, катились из леса мимо окна с драгоценным грузом угля. Время от времени длинные плоты со строевым лесом проносились мимо домов по реке, протекающей через город, направляясь к отдаленному Рейну. Высоко и круто возвышались над остроконечными деревянными зданиями на берегу реки горы, увенчанные соснами во всем великолепии свежей зелени. На лесных дорожках, извивавшихся в траве между деревьев, виднелись светлые весенние платья женщин и детей, собиравших лесные цветы. Внизу, в аллее, близ ручья, лавки маленького базара, открывавшегося вместе с началом сезона, предлагали свои блестящие безделушки. Дети заглядывались на игрушки, девушки складывали свое вязанье, когда проходили мимо, горожане вежливо раскланивались друг с другом. Теплое полуденное солнце привлекло на прогулку и больных, которые медленно двигались на колесных стульях в сопровождении медицинских сестер.

Шотландец глядел на эту сцену глазами, не примечавшими ее красоты. Он размышлял о том, что скажет женщине, когда она войдет. Он думал об условиях, какие он может поставить, прежде чем возьмет перо в руки у смертного одра ее мужа.

– Госпожа Армадэль здесь, – вдруг сказал доктор, прервав его размышления.

Он тотчас обернулся и увидел перед собой освещенную полуденным солнцем смуглую женщину с выразительным лицом, большими томными глазами и прямым тонким носом, румяными губами, с черными как смоль волосами. От ее смуглых щек так и веяло зноем и здоровьем, роскошью молодости и женской силы... Женщина обратилась к Нилью со словами признательности. Ее маленькая смуглая ручка была протянута ему с безмолвным выражением благодарности, с приветствием, которым встречают друга. Первый раз в жизни шотландец был застигнут врасплох. Каждое осторожное слово, которое он обдумывал минуту тому назад, выскользнуло из его памяти. Его непроницаемая броня обычного подозрения, обычного самообладания, обычной сдержанности, никогда не спадавшая с него в присутствии женщины, исчезла теперь при виде этой женщины и преклонила его перед нею как побежденного. Он взял руку, протянутую ему, и в поклоне его молча выразилась первая благородная дань ее полу.

Она, со своей стороны, смутилась. Обычная женская проницательность, которая при более благоприятных обстоятельствах позволила бы сразу понять причину его замешательства, не помогла ей теперь. Госпожа Армадэль приписала, видимо, его холодность и недовольство нежеланию помочь, не заметила неожиданного впечатления, произведенного затем на шотландца ее красотой.

– Я не нахожу слов благодарности, – сказала она слабым голосом, стараясь не расплакаться. – Я только рассержу вас, если заговорю.

Губы ее начали дрожать, она молча отступила назад и отвернулась.

Доктор, спокойно наблюдавший за происходящим из своего угла, подошел и отвел миссис Армадэль к креслу.

– Не бойтесь его, – прошептал он ей на ухо, по-отцовски погладив женщину по плечу, – шотландец крепок как железо, но, судя по его лицу, в ваших руках он будет мягок как воск. Скажите ему то, о чем я вас просил, и отведем его в комнату вашего мужа, прежде чем шотландец успеет опомниться.

Госпожа Армадэль собрала с силами и подошла к окну, где стоял Ниль.

– Мой добрый друг, доктор сообщил мне, сэр, что вы колебались только относительно меня, – сказала она, низко опустив голову. Густой румянец пропал с ее лица, когда она это говорила. – Я очень вам признательна, но умоляю вас не думать обо мне. То, что желает мой муж... – Голос ее сорвался, она минуту подождала и продолжала:

– То, что желает мой муж в свои последние минуты, желаю и я.

На этот раз Ниль настолько успокоился, что мог отвечать ей. Тихим, спокойным голосом попросил он ее не говорить ничего более.

– Я только желал оказать вам помощь и внимание, – сказал он. – Теперь я еще желаю избавить вас от огорчения.

Когда он говорил это, что-то похожее на краску медленно выступило на его бледном лице. Глаза госпожи Армадэль смотрели на него с надеждой и мольбой, и шотландец с раскаянием вспомнил о своих размышлениях у окна до ее прихода.

Доктор отворил дверь, которая вела в комнату мистера Армадэля, и замер в безмолвном ожидании. Миссис Армадэль вошла первая, через минуту за ней последовал мистер Ниль. Теперь он уже не мог уйти от ответственности, которая была навязана ему почти насильно, мосты к отступлению были сожжены.

Комната была убрана с типичным немецким вкусом; теплый солнечный свет весело струился по стенам, освещал ее. Купидоны² и цветы были нарисованы на потолке, яркие ленты украшали белые занавеси у окон, вызолоченные часы красовались на камине, обитом бархатом, зеркала сияли на стенах, пестрые цветы испещряли ковер. Среди этого обилия предметов, блеска, света лежал больной, разбитый параличом, с блуждающими глазами, с неподвижной

² Купидон – в античной мифологии: бог любви, изображаемый в виде мальчика с луком и стрелами; Амур, Эрот.

нижней частью лица, голову его подпирало высокое изголовье, безжизненные, высохшие руки лежали на одеяле. У изголовья стояла старая, молчаливая, с морщинистым лицом черная няня, а на одеяле между распростертыми руками отца сидел ребенок в беленьком платице, занимаясь какой-то игрушкой. Когда дверь открылась и вошла миссис Армадэль, мальчик катал игрушку – солдата верхом на лошади – взад и вперед между безжизненными руками отца, блуждающие глаза которого следили за игрушкой. Украдкой мистер Армадэль с нежностью смотрел на сына. Без слез на эту сцену нельзя было смотреть.

В ту минуту, когда Ниль показался в дверях, эти блуждающие глаза остановились, а затем обратились на незнакомца. В них можно было прочесть какой-то вопрос. Но вот неподвижные губы с усилием зашевелились, невнятно произнесли:

– Это вы?

Ниль приблизился к кровати, миссис Армадэль отошла и ждала с доктором в дальнем углу комнаты. Ребенок, когда подошел незнакомец, поднял голову, раскрыл свои карие глазки, с удивлением посмотрел на Нилия, а потом продолжал играть.

– Мне рассказали о вашем печальном положении, сэр, – сказал мистер Ниль. – Я пришел сюда выполнить ваше пожелание, так как эту услугу никто, кроме меня, как сообщил доктор, не может оказать вам в этом немецком городе. Меня зовут Ниль, я служу в Эдинбурге чиновником при королевской печати³. Смею надеяться, что ваше доверие ко мне не будет обмануто.

Глаза прелестной жены Армадэля теперь не смущали его. Он разговаривал с больным спокойно и рассудительно, без своей обычной суровости и с чувством сострадания в голосе. Обстановка у смертного одра произвела на шотландца сильное впечатление.

– Вы желаете, чтобы я написал что-то для вас? – продолжал он, терпеливо ожидая ответа.

– Да, – сказал умирающий, и страстное желание, которое язык его не имел сил выразить, отразилось в его глазах. – Я не владею рукой и скоро не смогу говорить. Пишите.

Прежде чем мистер Ниль успел что-то сказать, он услышал шелест женского платья. Миссис Армадэль передвигала небольшой письменный стол через всю комнату к кровати. Если Ниль хотел принять предосторожности, которые должны были гарантировать его от всех нежелаемых последствий, то сделать это надо было теперь или никогда. Шотландец стоял спиной к миссис Армадэль и очень осторожно задал больному вопрос, тщательно подбирая слова.

– Могу я спросить, сэр, прежде чем возьму перо в руки, что вы желаете мне диктовать?

Беспокойные глаза больного сверкнули гневом, губы его зашевелились, но он не ответил.

Мистер Ниль осторожно задал другой вопрос иного содержания.

– Когда я напишу то, что вы желаете мне продиктовать, что надо будет сделать с этой бумагой?

На этот раз ответ был дан:

– Запечатайте ее при мне и отправьте на почту к моему...

Его речь на этом вдруг прервалась, и он жалобно посмотрел на Нилия, как бы желая, чтобы он подсказал то слово, которое сам не в силах был произнести.

– Вы хотите сказать – к вашему душеприказчику?

– Да.

– Я должен буду отправить на почту письмо?

Ответа не последовало.

– Могу я спросить, не изменяет ли это письмо ваше завещание?

– Нисколько.

³ Writer to the Signet. – Слово Signet означает частную королевскую печать, употребляемую при некоторых дипломах и патентах. Writer to the Signet – особая коронная должность в Шотландии, состоявшая в прежнее время в связи с приложением этой печати (прим. переводчика).

Ниль ненадолго задумался. Тайна окутывала всю эту историю. Одно, что проливалось хоть немного какой-то свет, была та странная история неоконченного письма, которую доктор передал ему словами миссис Армадэль. Чем ближе приближался мистер Ниль к выполнению взятой на себя ответственности, тем более казалось ему, что дело это очень серьезное. Не задать ли ему еще вопрос, прежде чем он возьмет перо и свяжет себя с этими людьми окончательно? Когда это сомнение промелькнуло в голове его, шотландец почувствовал, что шелковое платье миссис Армадэль коснулось его, ее нежная смуглая рука тихо легла на его руку, ее прекрасные черные глаза глядели на него с нескрываемой мольбой.

– Мой муж очень тревожится, – шепнула она, – успокойте его, сядьте за письменный стол.

Просьба была произнесена ее устами, устами той, которая имела больше прав колебаться, устами жены, которой не раскрывалась эта тайна. Многие люди в положении мистера Нилья в этот момент отказались бы от всякой осторожности. И шотландец отказался, только не совсем.

– Я буду писать, что вы пожелаете, – обратился он к мистеру Армадэлю. – Я запечатаю эту бумагу в вашем присутствии и сам отправлю ее на почту к вашему душеприказчику, но, обязуясь сделать это, я должен просить вас понять, что я действую совершенно втемную, и извинить меня, если я предоставлю себе абсолютную свободу действий, когда ваше желание, относительно того, чтобы письмо было написано и отправлено на почту, будет исполнено.

– Вы даете мне обещание?

– Если вы желаете моего обещания, сэр, я дам его, с условием, названным мною.

– Исполните ваше условие и сдержите ваше обещание. Мою письменную шкатулку, – прибавил он, первый раз взглянув на жену.

Она поспешно пересекла комнату, чтобы взять шкатулку, стоявшую в углу на стуле. Возвратившись со шкатулкой, миссис сделала знак негритянке, которая стояла молча на том же самом месте. Эта женщина подошла, по знаку госпожи, взять ребенка с постели. В ту минуту, когда она дотронулась до него, глаза отца, прежде устремленные на шкатулку, обратились на негритянку с выражением большого недовольства.

– Нет! – сказал он.

– Нет! – повторил тоненьким голоском ребенок, все еще забавлявшийся своей игрушкой и не хотевший, видимо, оставлять своего места на постели.

Негритянка вышла из комнаты, а ребенок с торжеством продолжал швырять своего игрушечного солдатику на скомканном одеяле, которое лежало на груди его отца.

На хорошеньком лице матери появилось выражение ревности, когда она поглядела на ребенка.

– Отпереть шкатулку? – спросила миссис, с досадой оттолкнув протянутую сыном игрушку.

Взгляд мужа сказал «да», и она сунула руку под его изголовье – там был спрятан ключ. Миссис Армадэль отперла шкатулку и вынула оттуда несколько небольших листков, сшитых вместе.

– Это? – спросила она, показывая их.

– Да, – ответил он. – Ты можешь теперь идти.

Шотландец, сидевший за письменным столом, и доктор, в углу приготовлявший специальную микстуру, переглянулись с беспокойством, которое ни один из них не мог скрыть. Слова, которыми муж изгонял жену из комнаты, были произнесены. Минута настала.

– Ты можешь идти теперь, – повторил Армадэль с нетерпением.

Она посмотрела на ребенка, спокойно игравшего на постели; смертельная бледность разлилась по ее лицу. Она бросила взгляд на роковое письмо, содержание которого было для нее тайной, и мука ревности, ревности к той другой женщине, которая была черной тенью и отравой ее жизни, сжала ей сердце. Сделав несколько шагов от кровати, она остановилась и повернула назад. Исполненная чувством любви и отчаяния, она прижала свои губы к щекам умира-

ющего мужа и в последний раз обратилась к нему с мольбой. Ее горькие слезы капали на его лицо, когда она шепнула ему:

– О, Аллэн! Подумай, как я тебя любила! Подумай, как я старалась сделать тебя счастливым! Подумай, как скоро я лишусь тебя! О, мой возлюбленный! Не отсылай меня!

Слова умоляли за нее, поцелуй умолял за нее, воспоминание о любви, отданной ему и не получившей взаимности, видимо, тронуло сердце умирающего так, как еще ничто не трогало его со дня их брака. Тяжелый вздох вырвался у Армадэля. Он посмотрел на нее и заколебался.

– Позволь мне остаться, – шепнула она, еще крепче прижавшись своим лицом к его лицу.

– Это только огорчит тебя, – шепнул он ей в ответ.

– Ничто не огорчит меня так, как если ты вышлешь меня отсюда.

Он молчал. Она видела, что он думает, и также ждала.

– Если я позволю тебе остаться...

– Да! Да!

– Ты уйдешь, когда я тебе скажу?

– Уйду.

– Ты даешь клятву?

Оковы, связывавшие его язык, как будто спали на минуту в порыве страшного волнения, которое вызвала ее страстная мольба. Он произнес эти странные слова так внятно, как никогда еще в этой комнате не говорил.

– Я даю клятву, – сказала она и, упав на колени у кровати, страстно поцеловала его руку.

Оба посторонних, присутствующих в комнате, отвернулись как бы по взаимной договоренности. Наступило молчание. Тишину не нарушало ничего, кроме шума, производимого игрушкой, которую ребенок перекидывал на постели.

Доктор первый нарушил оцепенение. Он подошел к больному и с беспокойством осмотрел его. Миссис Армадэль встала с колен и, выполняя волю мужа, отнесла листки, которые она вынула из шкатулки, к столу, за которым сидел мистер Ниль. Раскрасневшаяся, выглядевшая еще прелестнее прежнего, она наклонилась к нему, подавая написанное. Добиваясь своей цели с упрямством женщины, страдающей от ревности, она шепнула Нилю:

– Читайте с начала. Я должна и хочу это слышать!

Глаза женщины с мольбой смотрели прямо в глаза Нилю; ее дыхание коснулось щек шотландца. Прежде чем он успел ответить, прежде чем он успел подумать, она уже вернулась к постели своего мужа. Она говорила с Нилем одно мгновение, и этого мгновения было достаточно для того, чтобы ее красота подчинила шотландца ее воле. Досадуя на свою неспособность сопротивляться госпоже Армадэль, он просмотрел листки письма до того самого места, где перо выпало из руки писавшего и оставило на бумаге чернильное пятно, затем опять возвратился к его началу и произнес, обращаясь к больному, слова в пользу его жены, которые она сама вложила в уста Нилия.

– Может быть, сэр, вам угодно сделать несколько поправок, – начал он.

Внешне все его внимание было устремлено на письмо, и он делал вид, будто раздражение от всего происходившего опять овладело им.

– Не прочесть ли вам то, что уже написано? – продолжал шотландец.

Миссис Армадэль, сидевшая у изголовья мужа с одной стороны, и доктор, положивший пальцы на пульс больного с другой стороны, ждали с беспокойством, конечно, различной степени, ответа на вопрос Нилия. Господин Армадэль перевел взгляд с ребенка на жену.

– Ты хочешь слышать? – спросил он.

Она дышала быстро и порывисто, рука ее ласково легла на руку мужа, она молча наклонила голову. Муж молчал, как бы тайно совещаясь со своими мыслями и не спуская глаз с жены. Наконец он решился.

– Читайте, – произнес он еле слышно, – и остановитесь, когда я вам скажу.

Был уже почти час, и колокол, призывавший постояльцев к раннему обеду в гостинице, раздался. Быстрые шаги и говор стали слышны в комнате, когда Ниль разложил написанное на столе перед собой и прочел начальные фразы:

– «Я адресую это письмо к моему сыну, когда мой сын дойдет до таких лет, что будет в состоянии понять. Так как я лишился всякой надежды видеть взрослым моего сына, мне остается только написать то, что мне хотелось бы сказать ему со временем самому, изустно.

Я имею три цели для того, чтобы написать это письмо. Во-первых, открыть обстоятельства, сопровождавшие брак одной англичанки, знакомой мне, на острове Мадера (Мадейра). Во-вторых, бросить настоящий свет на смерть ее мужа, случившуюся, несколько времени спустя, на французском корабле «La Grace de Dieu» («Милость Божия»). В-третьих, предостеречь моего сына об опасности, ожидающей его, – опасности, которая поднимется из могилы его отца, когда земля закроется над его пеплом.

История брака англичанки начинается с того времени, когда я получил в наследство большое армадэльское имение и принял роковое имя Армадэль.

Я единственный оставшийся в живых сын покойного Мэтью Рентмора из Барбадоса. Я родился в нашем фамильном поместье на этом острове и лишился моего отца, когда был еще ребенком. Мать моя слепо любила меня, она не отказывала мне ни в чем; она позволяла мне жить, как я хочу. Моя юность и мое детство были проведены в праздности и в потворстве собственным страстям между рабами, для которых моя воля была закон. Я сомневаюсь, есть ли во всей Англии джентльмен моего происхождения и звания, такой невежда, как я. Я сомневаюсь, был ли молодой человек на этом свете, страсти которого оставались без всякого контроля, как мои во времена моей юности.

Матери моей, как романтической женщине, не нравилось простое имя моего отца. Меня назвали Аллэном, в честь богатого кузена моего отца, покойного Аллэна Армадэля, который имел поместье у нас по соседству, самое большое и самое производительное на острове, и согласился быть моим крестным отцом заочно. Мистер Армадэль никогда не был в своем Вест-Индском имении. Он жил в Англии, и, прислав мне обыкновенный подарок на крестины, он потом много лет не имел никаких сношений с моими родителями. Мне минул двадцать один год перед тем, как мы получили известие от мистера Армадэля. По этому случаю мать моя получила от него письмо, в котором он спрашивал, жив ли я еще, и предлагал, ни более ни менее (если я жив), как сделать меня наследником своего Вест-Индского имения.

Это неожиданное богатство доставалось мне единственно вследствие дурного поведения сына мистера Армадэля – его единственного сына. Молодой человек осрамил себя безвозвратно, бросил свой дом отверженником, и вследствие этого отец отказался от него навсегда. Не имея около себя никакого родственника мужского пола, который мог бы быть его наследником, Армадэль подумал о сыне кузена и своем крестном сыне и предложил мне свое Вест-Индское поместье и моим наследникам после меня, с единственным условием, чтобы я и мои наследники приняли его фамилию. Предложение было принято с признательностью, и взяты законные меры, чтобы переменить мою фамилию в колонии и в Англии. Со следующей же почтой мистер Армадэль получил известие, что на его условия согласны. Завещание его было изменено в мою пользу, и неделю спустя смерть моего благодетеля сделала меня богатейшим человеком в Барбадосе.

Это было первым звеном в цепи событий. Шесть недель спустя случилось второе событие.

В конторе в моем поместье была вакансия на место клерка, и занять его явился молодой человек моих лет, только что приехавший на остров. Он представился под именем Фергуса Ингльби. Впечатления управляли мной во всем. Я не знал никаких законов, кроме своих собственных прихотей, и приезжий молодой человек понравился мне в ту самую минуту, когда я взглянул на него. У него было обращение джентльмена, и он обладал самыми привлекатель-

ными качествами в общении, с какими когда-либо случалось мне встречаться еще при моей неопытности в обществе. Когда я услышал, что аттестаты, привезенные им с собою, были найдены неудовлетворительными, я вмешался и настоял, чтобы он получил это место. Моя воля была закон, и он получил его.

Мать моя с первого взгляда почувствовала отвращение и недоверие к Ингльби. Когда она увидела, что близость между нами быстро возрастала, когда она увидела, что я допустил этого подчиненного мне молодого человека к короткой дружбе со мною и к доверию (я жил с моими подчиненными всю жизнь, и мне это нравилось), она делала всевозможные усилия, чтобы разлучить нас. Ей не удалось ни одно. Наконец она решилась попробовать единственное оставшееся средство – убедить меня решиться на путешествие, о котором я часто думал, путешествие в Англию.

Прежде чем она заговорила со мной об этом, она решилась заинтересовать меня мыслью увидеть Англию так, как я никогда не был еще заинтересован. Она написала к своему старому другу и старому поклоннику, покойному Стивену Блэнчарду, владельцу поместья Торп-Эмброс в Норфольке и вдовцу с семейством. После я узнал, что мать моя ссылалась на их привязанность (которую, кажется, не одобрили родители с той и с другой стороны) и что, прося мистера Блэнчарда принять ее сына, когда он приедет в Англию, она справлялась о его дочери и намекала на возможность брака, соединившего бы оба семейства, если бы молодая девушка и я понравились друг другу. Мы были партией равной во всех отношениях, и воспоминание моей матери о ее девической привязанности к мистеру Блэнчарду делало надежду на мой брак с дочерью ее старого поклонника самой счастливой и приятной надеждой, какую только она могла себе представить. Обо всем этом я не знал ничего до тех пор, пока ответ мистера Блэнчарда не был получен в Барбадосе. Тогда моя мать показала мне письмо и прямо поставила передо мной искушение, которое должно было разлучить меня с Фергусом Ингльби.

Письмо мистера Блэнчарда было написано с острова Мадера. Он был нездоров, и его послали туда доктора попытать, не принесет ли ему пользу климат. Его дочь была с ним. Искренно сочувствуя всем надеждам и желаниям моей матери, он предложил мне, если я намерен вскоре оставить Барбадос, заехать на Мадеру по дороге в Англию и сделать ему визит в его временном местопребывании на острове. Если же этого нельзя, он назначал время, в которое надеялся воротиться в Англию и когда я могу надеяться найти прием в его доме в Торп-Эмбросе. В заключение он извинился, что не пишет подробно, объясняя, что зрение его ослабло и что он ослушался приказаania доктора, поддавшись искушению написать своему старому другу своей собственной рукой.

Как ни любезно написано было это письмо, оно само по себе имело бы мало на меня влияния, но кроме письма был прислан миниатюрный портрет мисс Блэнчард. На задней стороне портрета отец ее написал полушутливо-полунежно: «Я не могу просить мою дочь писать вместо меня, по обыкновению не сказав ей о ваших расспросах и не заставив ее краснеть. Я посылаю ее портрет без ее ведома, пусть он отвечает за нее. Это хороший портрет хорошей девушки. Если ваш сын понравится ей и если он понравится мне, в чем я уверен, мы, может быть, доживем, мой добрый друг, до того, что увидим наших детей тем, чем мы сами могли быть когда-то – мужем и женой». Мать моя отдала мне миниатюрный портрет вместе с письмом. Этот портрет тотчас поразил меня – не могу сказать почему, не могу сказать, каким образом, – как еще ничего в этом роде не поражало меня прежде.

Умы, тверже моего, могли бы приписать необыкновенное впечатление, произведенное на меня этим портретом, расстроенному состоянию души моей в то время, утомлению, которое произвели во мне в последние месяцы мои низкие удовольствия, неопределенному стремлению к новым интересам и к новым надеждам, порожденному этим утомлением. Я не пытался допрашивать себя: тогда я верил в судьбу, я и теперь в судьбу верю. Для меня довольно было знать, что первое ощущение чего-то лучшего в моей натуре было возбуждено лицом этой

девушки, смотревшей на меня с портрета так, как ни одно женское лицо еще не смотрело на меня никогда. В этих нежных глазах, в возможности сделать это кроткое создание моей женой я видел предназначение моей судьбы. Портрет, который попал в мои руки так странно, так неожиданно, был безмолвным вестником счастья, близкого мне, присланный предостеречь, ободрить, оживить меня, пока еще не поздно. Я положил портрет под мое изголовье на ночь, я снова посмотрел на него утром. Мое вчерашнее убеждение осталось так же сильно, мое суеверие – если захотят так назвать это – указывало мне непреодолимо путь, по которому я должен идти. В гавани находился корабль, отправлявшийся в Англию через две недели. Он должен был зайти и на Мадеру. Я отбыл на этом корабле».

До сих пор шотландца никто не прерывал, но при последних словах раздался другой голос, тихий и дрожащий, прервавший читающего.

– Она была блондинка? – спросил этот голос. – Или брюнетка, как я?

Ниль замолчал и поднял глаза. Доктор все еще сидел в изголовье, машинально положив пальцы на пульс больного. Ребенок, пропустивший время своего дневного сна, продолжал, но уже вяло играть со своей новой игрушкой. Глаза отца наблюдали за ним с восхищением и нежностью. Миссис Армадэль выпустила руку мужа и сидела, отвернувшись от него. Глаза ее горели, яркий румянец выступил на смуглых щеках, когда она настойчиво повторила вопрос:

– Она была блондинка или брюнетка, как я?

– Блондинка, – отвечал муж, не смотря на нее.

Она заломила руки, лежавшие на коленях, и не сказала ничего больше. Нависшие брови мистера Нила поползли зловеще вниз, когда он вернулся к рассказу. Шотландец испытывал большое неудовольствие – он поймал себя на мысли, что испытывает тайное сострадание к ней.

– «Я сказал, – продолжалось в письме, – что Ингльби был допущен к короткости в отношениях со мной. Мне было жаль оставить его, и меня огорчили его очевидное удивление и досада, когда он услышал, что я уезжаю. Для собственного оправдания я показал ему письмо и портрет и сказал ему всю правду. Интерес, возбужденный в нем портретом, едва ли был меньше моего. Он расспрашивал меня о фамилии и состоянии мисс Блэнчард с сочувствием истинного друга и подкрепил мое уважение и мое доверие к нему, великодушно поощряя меня стремиться к моей новой цели. Когда мы расстались, я был здоров и весел. Прежде чем мы встретились на следующий день, меня внезапно поразила болезнь, угрожавшая и моему рассудку, и моей жизни.

Я не имею доказательств против Ингльби. На острове была не одна женщина, которую я оскорбил до самых крайних пределов, за которые уже не может быть прощения и мщение которой могло поразить меня в то время. Я не могу обвинить никого, я только могу сказать, что мою жизнь спасла моя старая черная няня и что эта женщина впоследствии призналась, что она употребила противоядие, известное неграм против яда, употребляемого неграми же в той стране. Когда настали первые дни выздоровления, корабль, на котором я взял место, уже давно отплыл. Когда я спросил об Ингльби, мне сказали, что он уехал. Доказательства его непростительных проступков были мне представлены, против которых не устояло даже мое пристрастие к нему. Он был выгнан из конторы в первые дни моей болезни, и о нем ничего более не было известно, кроме того, что он оставил остров.

Во все время моей болезни портрет лежал под моим изголовьем, во все время моего выздоровления он был моим единственным утешением, когда я вспоминал о прошлом, и моим единственным ободрением, когда я думал о будущем. Никакие слова не могут описать, до какой степени эта первая фантазия утвердилась во мне. Этому помогли время, одиночество и страдания. Мать моя при всем своем желании этого брака была изумлена неожиданным успехом своего плана. Она написала к мистеру Блэнчарду о моей болезни, но ответа не получила. Она предложила написать опять, если я обещаю не оставлять ее до моего совершенного выздоровления. Мое нетерпение не знало границ. Другой корабль в гавани давал мне новую воз-

можность уехать на Мадеру. Прочитав еще раз пригласительное письмо мистера Блэнчарда, я надеялся, что я найду еще его на острове, если воспользуюсь этим случаем. Несмотря на просьбы моей матери, я настоял, чтобы взять место на втором корабле, и на этот раз, когда корабль отплыл, я был на нем.

Перемена принесла мне пользу: морской воздух сделал из меня человека. После необыкновенно быстрого путешествия я достиг цели моего странствования. В прекрасный тихий вечер, которого никогда не забуду, я стоял один на берегу, прижимая ее портрет к моей груди, и увидел белые стены дома, где, я знал, живет она.

Я обошел вокруг сада, чтобы успокоиться, прежде чем войду. Осмелившись войти в калитку, я заглянул в сад и увидел там женщину, стоявшую на лугу. Она обернулась лицом ко мне, и я увидел оригинал моего портрета, осуществление моей мечты! Бесполезно, хуже чем бесполезно писать об этом теперь. Скажу только, что все обещания, которые портрет дал моему воображению, живая женщина оправдала в моих глазах в ту минуту, когда я в первый раз взглянул на нее. Скажу только это, и ничего больше.

Я был так взволнован, что не мог решиться представиться ей. Я воротился назад, не пригласенный ею, и, направившись к парадной двери, спросил прежде ее отца. Мистер Блэнчард ушел в свою комнату и не принимал никого. Услышав это, я собрался с мужеством и спросил мисс Блэнчард. Слуга улыбнулся.

– Наша молодая барыня уж не мисс Блэнчард, сэр, – сказал он, – она замужем.

Эти слова поразили бы многих в моем положении. Они разгорячили мою пылкую кровь, и я схватил слугу за горло в припадке бешенства.

– Это ложь! – закричал я, как будто говорил с одним из невольников в моем поместье.

– Это правда, – отвечал слуга, вырываясь от меня. – Муж ее здесь, в доме.

– Кто он? Говори, негодяй!

Слуга отвечал, назвав мое собственное имя:

– Аллэн Армадэль.

Теперь вы можете угадать правду. Фергус Ингльби был отверженным сыном, чье имя и чье наследство взял я.

Рассказ о том, как был произведен этот обман, необходим для объяснения (я не скажу – для оправдания) моего участия в происшествиях, последовавших за моим приездом на Мадеру.

По собственному признанию Ингльби, он приехал в Барбадос, узнав о смерти своего отца и о моем праве на его наследство, с решительным намерением ограбить меня и сделать мне вред. Мое опрометчивое доверие доставило ему такой удобный случай, на который он никогда не мог надеяться. Он перехватил письмо, которое мать моя написала мистеру Блэнчарду в начале моей болезни, сам побудил отказать ему от места и уехал на Мадеру на том самом корабле, на котором должен был ехать я. Приехав на остров, он подождал, пока корабль отправится дальше, а потом представился мистеру Блэнчарду, не под чужим именем, о котором я продолжаю говорить о нем здесь, но под тем именем, которое, конечно, принадлежало столько же ему, сколько и мне, – под именем Аллэна Армадэля. Обман сначала представлял немного затруднений. Ему приходилось иметь дело только с больным стариком, который не видел мою мать почти половину своей жизни, и с невинной девушкой, которая никогда ее не видела. Он довольно узнал во время службы у меня, чтобы отвечать на немногие вопросы, которые задавали ему, так же хорошо, как мог бы отвечать я сам. Его наружность и обращение, его привлекательные манеры с женщинами, его хитрость и находчивость сделали остальное. Пока я лежал в постели больной, он приобрел привязанность мисс Блэнчард. Пока я мечтал над портретом в первые дни моего выздоровления, он получил уже согласие мистера Блэнчарда на брак, прежде чем он с дочерью уедет с острова.

До сих пор слабость зрения мистера Блэнчарда помогала обману. Он посылал в письме поклоны моей матери и получал выдуманные ответы. Но когда предложение жениха было принято и день свадьбы назначен, мистер Блэнчард счел долгом написать к своему старому другу, спросить ее формального согласия и пригласить на свадьбу. Он мог написать только часть письма, остальное было dokonчено под его диктовку мисс Блэнчард. Ингльби, уверенный в сердце своей жертвы, встретил ее, когда она выходила из комнаты отца с письмом, и сказал ей правду. Она была еще несовершеннолетняя, и положение было серьезно. Если отдать письмо на почту, не оставалось никаких средств, кроме разлуки или бегства при таких обстоятельствах, которые делали обман почти верным. Можно было заранее узнать, куда отправляется каждый корабль, а яхта, на которой Блэнчард приехал на Мадеру, еще ждала в пристани, чтобы отвезти его обратно в Англию. Оставалось только продолжать обман, перехватив письмо, и признаться во всем, когда они уже будут обвенчаны. Какие искусные и убедительные доводы употребил Ингльби, как низко воспользовался он ее любовью и ее доверием, чтобы сделать ее такой же, как и он сам? Он успел заставить ее унизиться до обмана. Письмо не дошло до своего назначения, и с согласия дочери доверие отца было употреблено во зло.

Оставалось только сочинить ответ от моей матери, которого ожидал Блэнчард. У Ингльби было письмо моей матери, украденное им, но он не умел подделаться под ее почерк. Мисс Блэнчард, согласившаяся на обман, отказалась принять деятельное участие в подделке письма. В этих затруднительных обстоятельствах Ингльби нашел готовое орудие в двенадцатилетней девочке-сироте, отличавшейся изумительной способностью к обману, к которой мисс Блэнчард романтически пристрастилась и которую она привезла с собой из Англии, чтобы приучить к должности своей горничной. Искусство этой девочки устранило единственное серьезное препятствие. Я видел подделанный почерк моей матери в письме, написанном под диктовку Ингльби и (следует сказать постыдную истину) с ведома ее молодой госпожи, и думаю, что я был бы обманут сам. Я видел впоследствии эту девочку, и кровь моя закипела при взгляде на нее. Если она теперь жива, горе тем, кто полагается на нее! Никогда более фальшивого и более безжалостного создания не существовало на свете.

Подложное письмо проложило безопасный путь к браку, а когда я дошел до дома, они были уже (как слуга сказал мне) мужем и женой. Приезд мой только ускорил признание, которое они оба условились сделать. Ингльби сам, без всякого стыда признался во всем. Ему нечего было терять этим признанием: он был обвенчан, а состояние его жены не зависело от воли отца. Пропускаю все, что последовало за этим – мое свидание с дочерью, мое свидание с отцом – и перехожу к результатам. Два дня пастор, венчавший их, сумел не допустить свидания между Ингльби и мной. На третий день мне удалось. Я и человек, смертельно оскорбивший меня, встретились с глазу на глаз, лицом к лицу.

Вспомни, как мое доверие было употреблено во зло! Вспомни, как единственная добрая цель моей жизни была разрушена! Вспомни сильные страсти, вкоренившиеся в моей натуре и никогда не сдерживаемые, а потом представь себе, что произошло между нами! Мне же нужно рассказать только конец. Он был выше и сильнее меня и воспользовался своим скотским преимуществом со скотской свирепостью. Он ударил меня.

Подумай об оскорблениях, полученных мною от этого человека. Он довершил все этим ударом!

Я отправился к одному английскому офицеру, который ехал вместе со мною из Барбадоса. Я сказал ему правду, и он согласился, что дуэль неизбежна. В то время дуэль имела свои формальности и свои установленные законы. Он начал говорить о них. Я остановил его.

– Мы возьмем в правую руку по пистолету, – сказал я, – а в левой руке будем держать конец носового платка, через этот платок мы будем стреляться.

Офицер встал и посмотрел на меня так, как будто я лично оскорбил его.

– Вы просите меня присутствовать при убийстве и самоубийстве, – сказал он. – Я не соглашаюсь быть вашим секундантом.

Он вышел из комнаты. Как только он ушел, я написал те самые слова, какие я сказал офицеру, и послал их к Ингльби. Пока ждал ответа, я сел перед зеркалом и посмотрел на знак, оставленный на моем лице ударом, нанесенным им. «У многих есть кровь на руках и на совести, – думал я, – по причине не такой важной, как эта».

Посланный воротился с ответом Ингльби. Он назначал дуэль в три часа на следующий день в уединенном месте в глубине острова. Я думал, что делать, если он откажет, письмо его освободило меня от моего ужасного намерения.

Я был признателен Ингльби – да, положительно признателен ему – за то, что он написал такой ответ.

На следующий день я пошел в назначенное место. Его там не было. Я ждал два часа, он все не приходил. Наконец истина промелькнула в голове моей. «Кто раз был трусом, тот всегда будет трусом», – подумал я. Я воротился в дом мистера Блэнчарда. Прежде чем я дошел, мною овладело внезапное предчувствие, и я повернул к пристани. Я был прав, мне следовало идти на пристань. Корабль, отправлявшийся в Лиссабон в этот день, доставил Ингльби случай убежать от меня вместе со своей женой. Его ответ на мой вызов был дан нарочно с целью отослать меня подальше, во внутрь острова. Еще раз поверил я Фергусу Ингльби, и еще раз его хитрая находчивость одержала верх надо мной!

Я спросил того, кто мне сказал об отъезде Ингльби, знал ли мистер Блэнчард о бегстве своей дочери. Он узнал о нем, когда корабль отплыл. На этот раз я взял урок в хитрости у Ингльби. Вместо того чтобы показаться в дом мистера Блэнчарда, я пошел прежде взглянуть на его яхту.

Увиденное сказало мне, что владелец яхты, может быть, скрыл бы правду. Я нашел на ней все в суматохе подготовки к неожиданному отъезду. Весь экипаж был на яхте, за исключением нескольких матросов, которые были отпущены на берег и находились в глубине острова, никто не знал где. Когда я узнал, что шкипер старался заменить их самыми лучшими матросами, каких только мог найти в такое короткое время, я немедленно решился. Я знал обязанности матроса на яхте довольно хорошо, потому что у меня была своя собственная яхта и я сам ею управлял. Поспешив в город, я переоделся в матросское платье и, воротившись на пристань, предложил себя волонтером в экипаж. Я не знал, что шкипер прочел на моем лице. Мои ответы на его вопросы удовлетворили его, однако он смотрел на меня и колебался. Но выбор был небольшой, и я был принят. Через час Блэнчард приехал на яхту, его проводили в каюту; он страшно страдал и душой и телом. Через час мы были в море в беззвездную ночь, при свежем ветре.

Так, как я и предполагал, мы гнались за кораблем, на котором Ингльби с женой уехал с острова в этот день. Этот корабль был французский и принадлежал купцу, занимавшемуся перевозкой строевого леса; он назывался «La Grace de Dieu» («Милость Божия»). О нем ничего не было известно, кроме того, что он шел в Лиссабон, сбился с пути и зашел на Мадеру почти без людей и без припасов.

Последний недостаток был устранен, а первый нет. Наши моряки не хвалили ни прочность судна, ни экипаж, набранный из бродяг. Когда эти два серьезных факта были сообщены мистеру Блэнчарду, жестокие слова, сказанные им дочери в первом пылу огорчения, когда он узнал, что она помогла обманывать его, все еще терзали ему сердце. Тем не менее он тотчас решил предложить дочери и зятю убежище на своей собственной яхте и заверить, что не даст ее негодному мужу пострадать от моих рук. Яхта была гораздо скорее на ходу, чем корабль со строевым лесом. Не было никакого сомнения, что мы нагоним «La Grace de Dieu»; надо было бояться только одного, чтобы мы не миновали ее в темноте.

Когда мы вышли в море, ветер вдруг спал, и настала душная ночь. Когда отдали приказ спускать брамстенги и убирать большие паруса, мы все знали, чего мы должны ожидать. Через час разразилась буря; гром гремел над нашими головами; яхта была водоизмещением в триста тонн и так крепка, какой только дерево и железо могли ее сделать. Ею управлял шкипер, вполне понимавший свое дело, и она держалась отлично. Когда настало новое утро, ветер все еще дувший с юго-запада, несколько стих, и море не так бушевало. Перед самым рассветом мы услышали сквозь свист ветра пушечный выстрел. Матросы, по тревоге собравшиеся на палубе, переглянулись и сказали: «Это он».

На рассвете мы увидели корабль. Он потерял фок-мачту и грот-мачту и не годился никуда. На яхте было три лодки. Шкипер, видевший признаки, что буря скоро возобновит свою ярость, решил спустить кормовые лодки, пока продолжалось затишье. Как ни мало было людей на погибающем корабле, все они не могли поместиться в одной лодке а послать обе лодки казалось не так опасно в критическом положении погоды, как посылать два раза по одной лодке с яхты на корабль. Для одной безопасной поездки, по-видимому, время было, но никто не мог, взглянув на небо сказать, что вторая поездка завершится благополучно.

Лодками управляли волонтеры. Я находился во второй. Когда первая лодка подошла к кораблю – это было так затруднительно и опасно, словами не могу описать, – все находившиеся на корабле хотели разом броситься в лодку. Если бы она не отчалила, жизнь многих принесена была бы в жертву. Когда наша лодка подошла к кораблю, мы условились, что четверо из нас взойдут на палубу, двое, я в том числе, должны были заботиться о спасении дочери мистера Блэнчарда, а другие двое удержать остальных трусов, если они будут стараться прежде броситься в лодку. Остальные трое – квартирмейстер и два гребца – оставались в лодке, чтобы не допустить ее столкновения с кораблем. Что увидели другие, когда вошли на палубу «La Grace de Dieu», я не знаю; я же увидел ту женщину, которой я лишился, женщину, вероломно отнятую у меня, лежавшую в обмороке на палубе. Мы спустили ее в лодку. Остальной экипаж, пять человек, силой заставили спускаться по порядку. Я спустился последним, и, когда корабль покачнулся к нам, пустая палуба, на которой не виднелось ни живой души от носа до кормы, показала, что экипаж лодки сделал свое дело. При громком вое быстро поднимавшейся бури мы гребли в обратный путь, к яхте, спасая свою жизнь.

Сильные шквалы показывали, что новая буря приближается от юга к северу. Шкипер, выждав удобный случай, повернул яхту, чтобы наготове встретить бурю. Прежде чем последний из наших матросов вошел опять на яхту, буря разразилась со свирепостью урагана. Лодка наша потонула, но никто не погиб. Опять устремились мы к югу на произвол ветра. Я был на палубе вместе с остальными, наблюдая за одним оборванным парусом, который мы решились поставить, чтобы заменить его другим, если его сорвет ветер, когда помощник шкипера подошел ко мне и закричал мне в ухо сквозь рев бури:

– Она пришла в чувство в каюте и спрашивает мужа. Где он?

Этого никто не знал. Яхту обыскали с одного конца до другого и не нашли его. Матросов всех перекликали, несмотря на погоду: его не было между нами. Экипаж с обеих лодок допросили. С первой экипаж мог только сказать, что он ничего не знал о тех, кого брал, и о тех, кого не взял. Экипаж со второй лодки мог только сказать, что привез на яхту всех, оставленных первой лодкой на палубе корабля. Некого было обвинять, но в то же время нельзя было опровергать факта, что этот человек пропал.

Весь этот день буря, свирепствовавшая все с той же силой, не давала нам никакой возможности воротиться и обыскать разбитый корабль. Для яхты оставалась только единственная надежда бежать на фордевин ⁴. К вечеру буря, гнавшая нас к югу от Мадеры, начала наконец уменьшаться, ветер опять переменился и позволил нам направиться к острову. Рано на следу-

⁴ Фордевин – ветер, по направлению совпадающий с курсом судна, или ветер, дующий прямо в корму.

ющее утро вошли мы в гавань. Мистер Блэнчард и его дочь были свезены на берег, шкипер поехал с ними и предупредил нас, что он по возвращении сообщит что-то такое, касающееся всего экипажа.

Нас собрали на палубе, и шкипер, воротившись на яхту, передал нам приказание мистера Блэнчарда воротиться на корабль и отыскать пропавшего. Мы были обязаны это сделать для самого Ингльби и для его жены, которая, по словам докторов, должна была лишиться рассудка, если не примут мер для ее успокоения. Мы могли быть почти уверены, что найдем корабль еще непотопленным, потому что груз леса будет держать его над водою до тех пор, пока его корпус не распадется. Если этот человек был на корабле – живой или мертвый, – его следовало найти и привезти назад. А если буря станет уменьшаться, не было никакой причины, почему бы матросам при надлежащей помощи не привести назад корабль и с согласия их хозяина не получить своей доли в деньгах, выдаваемых за спасение судов, вместе с служащими на яхте.

Экипаж три раза крикнул громкое «ура!» и принялся снаряжать яхту в море. Только я один не захотел участвовать в этом предприятии. Я сказал, что буря расстроила меня, что я болен и нуждаюсь в отдыхе. Все поглядели мне вслед, когда я уходил мимо них с яхты, но ни один не заговорил со мной.

Я ждал целый день в таверне на пристани первых известий с разбитого корабля. Они были привезены к ночи лоцманской лодкой, которая участвовала в мероприятиях по спасению корабля. Его нашли еще на поверхности воды, а тело утонувшего Ингльби – в каюте. На рассвете следующего утра покойника привезли на яхте, и в тот же самый день похоронили на протестантском кладбище...»

– Остановитесь! – раздался голос Армадэля, прежде чем читавший успел перевернуть новый лист и начать следующий параграф.

В комнате произошли перемены и в слушателях тоже, с тех пор как мистер Ниль в последний раз поднимал глаза от рассказа. Солнечный луч освещал предсмертное ложе, и ребенок спокойно заснул в лучах этого золотистого света. Физиономия отца очевидно изменилась. Мускулы нижней части лица, еще до сих пор не шевелившиеся, теперь пришли в движение, вызванные возбуждением измученной души. Увидев капли пота, тяжело выступившие на лбу, доктор встал, чтобы помочь умирающему. С другой стороны кровати стул жены стоял пустой. В ту минуту, когда ее муж прервал чтение, она отодвинулась за кровать, подальше от его глаз. Прислонившись к стене, она стояла, скрываясь от мужа и устремив глаза с жадным нетерпением на листки в руке мистера Нилья.

Еще через минуту молчание опять было прервано мистером Армадэлем.

– Где она? – спросил он, сердито смотря на пустой стул жены.

Доктор указал на нее. Ей ничего больше не оставалось, как выступить вперед. Она подошла медленно и стала перед ним.

– Ты обещала уйти, когда я скажу тебе, – сказал он. – Ступай теперь.

Мистер Ниль старался придать твердость своей руке, державшей листки рукописи, но она дрожала вопреки его воле. Подозрение, медленно возникавшее в его душе, пока он читал, перешло в уверенность, когда он услышал эти слова. Письмо обнаруживало одно обстоятельство за другим до тех пор, пока теперь дошло до последнего открытия. Перед этим открытием умирающий решился заранее остановить голос читавшего, прежде чем позволить своей жене слушать рассказ. Тут была тайна, которую сын его должен был узнать впоследствии и которую мать никогда не должна была узнать. От этого намерения самые нежные мольбы его жены не отвлекли его, и теперь жена его это узнала из его собственных уст.

Она не дала ему ответа. Она стояла и смотрела на него, смотрела с последней мольбой, может быть, с последним прощанием. Глаза его не отвечали ей, безжалостно отвернулись они от нее к спящему мальчику. Она безмолвно отошла от кровати. Не взглянув на ребенка, не

сказав ни слова двум посторонним, смотревшим на нее, едва переводя дух, она сдержала данное обещание и в абсолютном молчании вышла из комнаты.

Что-то в ее наружности, когда она уходила, потрясло самообладание обоих мужчин, которые присутствовали при этом. Когда дверь затворилась за нею, они инстинктивно возмутились против того, чтобы действовать в неизвестности. Доктор первый выразил свое желание. Он просил позволения у своего пациента уйти до окончания чтения письма. Пациент не согласился.

Мистер Ниль заговорил затем подробнее и серьезнее.

– Доктор привык к своей профессии, – начал он, а я привык в моей сохранять тайны других. Но мой долг, прежде чем мы пойдем дальше, спросить, действительно ли вы понимаете, какое странное положение занимаем мы относительно друг друга. Вы сейчас лишили миссис Армадэль при нас вашего доверия, а теперь предлагаете это доверие людям, совершенно для вас посторонним.

– Да, – сказал Армадэль. – Именно потому, что вы посторонние.

Как ни коротки были эти слова, из них можно было вывести такое заключение, которое не могло успокоить недоверчивость. Мистер Ниль прямо выразил это.

– Вам нужна помощь моя и доктора, – сказал он. – Должен ли я понять, что вы совершенно равнодушны к впечатлению, какое окончание этого письма может произвести на нас?

– Да. Я вас не щажу. Я не щажу себя. Я щажу мою жену.

– Вы принуждаете меня сделать вывод, сэр, очень серьезный, – сказал мистер Ниль. – Если я должен кончить это письмо под вашу диктовку, я буду просить у вас позволения – так как я уже прочел громко большую часть этого письма – прочесть громко остальное при этом господине как свидетеле.

Читайте!

С серьезным сомнением доктор опять сел на свой стул. С серьезным сомнением мистер Ниль перевернул листок и прочел следующее:

– «Мне остается сказать еще несколько слов, прежде чем я оставлю в покое умершего. Я описал, как нашли его тело, но я не описал, при каких обстоятельствах скончался он.

Известно было, что он находился на палубе, когда лодки с яхты приближались к разбитому кораблю, а потом в суматохе, возбужденной паническим страхом экипажа, он пропал. В то время вода была пяти футов глубины в каюте и быстро поднималась. Нечего было сомневаться, что он сам добровольно попал в эту воду. Ящик с драгоценными вещами его жены был найден на полу под ним и объяснял его присутствие в каюте. Он знал, что приближается помощь, и, весьма естественно, сошел вниз постараться спасти ящик. Менее вероятности было, хотя и это можно было заключить, что смерть его была результатом какого-нибудь несчастья, случившегося с ним, когда он нырнул в воду, и которое на минуту лишило его чувств. Но открытие, сделанное экипажем яхты, прямо указывало на одно обстоятельство, которое вызвало ужас у всех. Когда поиски привели матросов в каюту, они нашли люк и дверь запертыми. Не запер ли кто каюту, не зная, что он был там? Отложив в сторону панический страх экипажа, не было никакой причины запираť каюту, прежде чем уйти с разбитого корабля. Оставалось другое предположение: не заперла ли с умыслом чья-нибудь безжалостная рука этого человека и дала ему утонуть, когда вода, возвысившись, покрыла его?

Да, безжалостная рука заперла его и дала ему утонуть. Это была моя рука».

Шотландец выскочил из-за стола. Доктор задрожал, сидя возле кровати. Оба посмотрели на умирающего злодея, поддавшись одинаковому отвращению, сраженные сбывшимся одинаковым предчувствием. Он лежал, держа на своей груди голову ребенка, лишенный сочувствия людей, проклятый божеским правосудием. Он лежал одинокий, как Каин, и смотрел на них.

В ту минуту, когда шотландец и доктор встали, дверь, ведущая в другую комнату, тяжело зашаталась и звук, похожий на падение, донесшийся оттуда, заставил обернуться обоих. Стоя

ближе к двери, доктор отворил ее, прошел в другую комнату и тотчас опять затворил дверь за собой. Мистер Ниль повернулся спиной к кровати и ждал, что будет. Звук, не разбудивший ребенка, не привлек также внимания и отца. Его собственные слова отвлекли больного далеко от всего того, что происходило у его смертного одра. Его беспомощное тело вернулось на разбитый корабль, и призрак его безжизненной руки запирает дверь каюты.

В другой комнате раздался звонок, говор голосов, поспешные шаги. Через некоторое время доктор воротился.

– Она подслушивала? – тихо спросил его мистер Ниль по-немецки.

– Женщины приводят ее в чувство, – шепнул ему доктор в ответ. – Она слышала все. Скажите, ради Бога, что нам теперь делать?

Прежде чем Ниль успел ответить, заговорил мистер Армадэль. Появление доктора возвратило его к настоящему.

– Продолжайте, – сказал он, – как будто ничего не случилось.

– Я не хочу далее вмешиваться в вашу гнусную тайну, – возразил Ниль. – По вашему собственному признанию, вы – убийца. Если это письмо должно быть кончено, не требуйте, чтобы я писал за вас.

– Вы дали мне обещание, – был ответ, сказанный с тем же невозмутимым самообладанием. – Вы должны писать вместо меня или нарушить ваше слово.

Мистер Ниль молчал с минуту. Перед ним лежал человек, защищенный от ненависти своих ближних тенью смерти, человек, которого люди не могли более осуждать, который уже не мог бояться людских законов, который уже не был чувствителен ни к чему, кроме своего последнего, твердого намерения кончить письмо к своему сыну.

Ниль отвел доктора в сторону.

– Одно слово, – сказал он по-немецки. – Вы по-прежнему утверждаете, что он может остаться без языка, прежде чем мы успеем послать в Штутгарт?

– Посмотрите на его губы, – отвечал доктор, – и судите сами.

Губы больного отвечали за него; чтение рассказа оставило уже на них свой след. Искривление углов рта, которое было уже заметно, когда Ниль вошел в комнату, теперь обнаружилось самым очевидным образом. Произношение становилось труднее с каждым словом, которое произносил больной. Положение было безнадежное. После минутной нерешительности Ниль сделал последнюю попытку отстранить себя.

– Теперь, когда глаза мои открыты, – сказал он сурово, – неужели вы осмелитесь заставлять меня сдерживать слово, которое вы принудили меня дать вам слепо?

– Нет, – отвечал Армадэль, – я предоставляю вам свободу нарушить ваше слово.

Взгляд, сопровождавший этот ответ, задел гордость шотландца за самую чувствительную струну. Когда он заговорил, то уже сидел на своем прежнем месте у стола.

– Еще никто не говорил, что я нарушил мое слово, – сердито возразил он. – И даже вы не скажете обо мне этого теперь. Помните! Если вы принуждаете меня сдерживать мое обещание, я принуждаю вас исполнить мое условие. Я выговорил себе свободу действия и предостерегаю вас, что я употреблю ее как сам заблагорассужу, как только освобожусь от вашего присутствия.

– Помните, что он умирает, – кротко умолял доктор.

– Садитесь на ваше место, – сказал Ниль, указывая на пустой стул. – То, что осталось прочесть, я хочу прочесть при вас. Что остается написать, я напишу только при вас. Вы привели меня сюда, я имею право настаивать и настаиваю, чтобы вы остались свидетелем до конца.

Доктор без всяких возражений покорился своей судьбе. Ниль взял опять рукопись и прочел остальное, не прерывая чтения.

– «Не сказав ни слова в свою защиту, я сознался в моей вине, не сказав ни слова в свою защиту, я расскажу, как преступление было совершено.

Я вовсе не думал о нем, когда увидел его жену, лежавшую без чувств на палубе. Я исполнил свое дело, бережно спустив ее в лодку. Тогда, только тогда мысль о нем воротилась ко мне. В суматохе, когда матросы с яхты насильно удерживали матросов с корабля, я имел случай незаметно отыскать его. Я не знал, уехал ли он в первой лодке или еще оставался на палубе. Я поднялся по трапу и увидел, что он выходит из каюты с пустыми руками и весь мокрый. Посмотрев на лодку с беспокойством (меня он не приметил), он понял, что есть еще время, прежде чем лодка отчалит.

«Еще раз!» – сказал он сам себе и исчез, чтобы сделать последнее усилие отыскать ящик с драгоценными вещами. Злой демон шепнул мне на ухо: «Не убивай его как человека, а утопи как собаку!» Он был под водой, когда я запер люк, но голова возвышалась над поверхностью, прежде чем я успел запереть дверь каюты. Я посмотрел на него, и он взглянул на меня, когда я запер дверь прямо перед ним. Через минуту я воротился к последнему матросу, оставшемуся на палубе. Еще через минуту было уже поздно раскаиваться: буря грозила нам гибелью, и гребцы на лодке спасали свою жизнь, спеша удалиться от корабля.

Сын мой! Я преследую тебя из могилы признанием, от которого моя любовь охотно избавила бы тебя. Читай далее, и ты узнаешь, для чего я это делаю.

Я ничего не скажу о моих мучениях, я не буду просить сострадания к моей памяти. Мое сердце страшно замирает, рука моя страшно дрожит, когда я пишу эти строки, это заставляет меня спешить кончить мой рассказ. Я уехал с острова, не осмелившись взглянуть в последний раз на женщину, которую я погубил так безжалостно, которой я сделал такой страшный вред. Когда я уехал, вся тяжесть подозрения, возбужденного смертью Ингльби, пала на экипаж французского корабля. Не было никакой причины обвинять в этом убийстве кого-нибудь из экипажа, но он состоял по большей части из бродяг, способных на всякое преступление. Всех их допросили. Только впоследствии услышал я случайно, что подозрение наконец пало на меня. Одна вдова узнала по неопределенному описанию странного человека, находившегося в числе экипажа яхты и исчезнувшего на другой день неизвестно куда. Одна вдова знала, почему ее муж был убит и кто совершил это преступление. Когда она сделала это открытие, по острову разнесся ложный слух о моей смерти. Может быть, я был обязан этому слуху моим избавлением от судебного преследования, может быть (никто, кроме Ингльби, не видел, как я запираю дверь каюты), улики не было достаточно для того, чтобы дать повод к следствию. Может быть, вдове были неприятны открытия, какие могли последовать за публичным доносом на меня, основанным только на ее подозрении. Как бы ни было, преступление, сделанное мною втайне, осталось ненаказанным до сих пор.

Я уехал с Мадеры в Вест-Индию. Первое известие, полученное мной по приезде в Барбадос, было известие о смерти моей матери. У меня не хватило духа возвратиться на прежнее место. Я не имел мужества решиться жить дома в одиночестве, подвергаясь мучению, чтобы мои страшные воспоминания грызли мое сердце и день и ночь. Не сходя на берег, не показываясь никому, я ушел на корабле так далеко, куда только он мог отвезти меня – на остров Тринидад.

Там я увидел в первый раз твою мать. Долг мой был сказать ей правду, а я вероломно сохранил свою тайну. Долг мой требовал не допустить ее до безвозвратного жертвования своей свободой и своим счастьем для такого человека, как я. А между тем я оскорбил ее, женившись на ней. Если она будет еще жива, когда ты прочтешь это письмо, из сострадания скрой от нее правду. Я могу загладить мою вину только тем, что до самого конца не дам ей подозревать, за кого она вышла. Жалей ее так, как я жалел. Пусть это письмо будет священной тайной между отцом и сыном.

В то время когда ты родился, здоровье мое рушилось. Несколько месяцев спустя, в первые дни моего выздоровления, тебя принесли ко мне и сказали, что тебя окрестили во время моей болезни. Твоя мать поступила как все любящие матери – она назвала своего первенца

именем его отца. Ты также Аллэн Армадэль. Даже в то время, даже тогда, когда я еще находился в счастливом неведении и не знал того, что узнал после, меня мучило предчувствие, когда я смотрел на тебя и думал об этом роковом имени.

Как только я мог пуститься в путь, меня вытребовали в мое поместье в Барбадос. В голове моей промелькнула мысль – она, вероятно, покажется тебе странной – отказаться от условия, которое принуждало моего сына, так же как и меня, носить имя Армадэль, или лишиться армадэльского имения, но даже в то время слухи об освобождении невольников – об освобождении, которое теперь уже близко, – быстро распространялись по колонии. Никто не мог сказать, насколько упала бы ценность Вест-Индских имений, если бы эта угрожающая перемена случилась. Никто не мог сказать, если бы я возвратил тебе мое собственное отцовское имя и оставил тебе только мое родительское наследство, что ты не пожалел бы когда-нибудь об обширном армадэльском поместье, и, может быть, я слепо осудил бы на бедность твою мать и тебя. Заметь, как все роковые случайности скопились одна к другой! Заметь, как твое имя и твоя фамилия остались за тобой, вопреки моему желанию.

Мое здоровье поправилось на родине, но только на время. Я опять занемог, и доктора предписали мне ехать в Европу. Избегая Англии (ты догадываешься почему), я поехал с тобой и твоей матерью во Францию. Из Франции мы переехали в Италию. Мы жили то здесь, то там. Все было бесполезно. Смерть овладела мной, смерть преследовала меня, куда бы я ни поехал. Я легче переносил свою участь, потому что у меня была отрада, которую я не заслужил. Теперь ты, может быть, с ужасом будешь вспоминать обо мне, а тогда ты утешал меня. Только ты согревал мое сердце. Последние проблески моего счастья на земле давал мне мой маленький сын.

Из Италии мы переехали в Лозанну, откуда я теперь пишу тебе. Нынешняя почта принесла такие подробные известия, которых я еще не получал, о вдове убитого. Это письмо лежит передо мной, когда я пишу. Оно от друга моей юности, который видел эту женщину и говорил с нею, который первый сообщил ей, что слух о моей смерти на Мадере был неверен. Он пишет, что не понял сильного волнения, которое она выказала, услышав, что я еще жив, женат и имею маленького сына. Он спрашивает меня, не могу ли я это объяснить. Он говорит о ней с сочувствием – как о молодой и прелестной женщине, заживо похоронившей себя в одной рыбацкой деревне на девонширском берегу. Отец ее умер, ее родные отдалились от нее, не одобряя ее брака. Его слова пронзили бы меня в самое сердце, если бы не одно место в этом письме, которое овладело всем моим вниманием и принудило меня написать рассказ, заключающийся на этих страницах.

Теперь я знаю – чего я никогда не подозревал до тех пор, пока не получил от него письма, – теперь я знаю, что вдова человека, в смерти которого виновен я, родила ребенка после смерти ее мужа. Этот ребенок – мальчик, годом старше моего сына. Уверенная в моей смерти, его мать поступила так, как мать моего сына: она назвала своего сына именем его отца. И во втором поколении есть два Аллэна Армадэля, как были в первом. Причинив смертельный вред отцам, это роковое сходство имен, вероятно, причинит такой же вред и сыновьям.

Безвинные люди, пожалуй, не увидят ничего до сих пор, кроме ряда событий, которые не могли привести ни к чему. Я, имея на совести смерть этого человека, я, сходя в могилу ненаказанный за преступление и не загладив его, вижу то, чего не могут различить люди безвинные: я вижу опасность в будущем, происходящую от прошлой опасности, – вероломство, возбужденное его вероломством, и преступление, порожденное моим преступлением. Неужели страх, потрясающий меня до глубины души, есть не что иное, как призрак, вызванный суеверием умирающего? Я заглядываю в книгу, уважаемую всеми христианами, и эта книга говорит мне, что грех родителей взыщется на детях. Я заглядываю в свет и вижу около себя живых свидетелей этой страшной истины. Я вижу, как пороки, заражавшие отца, переходят к сыну и заражают также и его, как стыд, обесславивший имя отца, переходит к сыну и обесславит его.

Я оглядываюсь вокруг себя и вижу, как мое преступление созревает в будущем от тех самых обстоятельств, которые посеяли его в прошлом, и перейдет, как наследственная зараза зла, от меня к моему сыну».

Этими строчками кончалось письмо, на этом месте удар поразил больного, и перо выпало из его рук.

Он знал это место, он помнил эти слова. В ту минуту, когда замолк голос чтеца, больной взглянул на доктора.

– Я приготовил, что следует теперь, – сказал он, все медленнее произнося слова, – помогите мне досказать.

Доктор дал ему возбуждительное лекарство и сделал знак Нилью повременить. Через несколько минут пламя угасающей души опять вспыхнуло в его глазах. Употребляя мужественные усилия для того, чтобы выговорить слова, он просил шотландца взять перо и произнес окончательные фразы рассказа, по мере того как память напоминала их ему одну за другой в следующих словах:

– «Пожалуй, не верь убеждениям умирающего, но я торжественно умоляю тебя: исполни мою последнюю просьбу. Сын мой! Единственная надежда, которую я оставляю тебе, зависит от одного великого сомнения – сомнения, властны мы или нет над нашей собственной судьбой. Может быть, свобода воли может победить судьбу человека, и, осужденные на неизбежную смерть, мы неизбежно стремимся только к ней одной, а не к тому, что ей предшествует. Если так, то уважай, если бы даже не уважал ничего другого, предостережение, которое я даю тебе из моей могилы: никогда, до самого дня смерти не допускай к себе ни одной души, которая прямо или косвенно имела бы какое-нибудь отношение к преступлению, совершенному твоим отцом. Избегай вдовы человека, которого я убил, если эта вдова еще жива; избегай девушки, злодейская рука которой устранила препятствие к этому браку, если эта девушка находится еще у нее в услужении, а более всего избегай человека, который носит одно имя с тобою. Ослушайся лучшего твоего благодетеля, если его влияние захочет сблизить тебя с ним. Брось женщину, которая любит тебя, если эта женщина будет служить связью между ним и тобою; скрывайся от него под чужим именем, поставь горы и моря между вами. Будь неблагодарен, будь мстителен, будь всем, что будет наиболее противно твоему кроткому характеру, скорее чем жить под одной кровлею и дышать одним воздухом с этим человеком. Не допускай, чтобы оба Армадэля встретились на этом свете никогда, никогда! Никогда!

Вот только таким образом ты можешь избавиться от опасности, если только можешь. Поступай так всю твою жизнь, если дорожишь твоей ненавистью и твоим счастьем!

Я кончил. Если бы я мог употребить не столь сильное влияние, которое будет на тебя иметь это признание для того, чтобы преклонить тебя к моей воле, я избавил бы тебя от открытия, заключавшегося в этих страницах. Ты лежишь на груди моей и спишь невинным сном ребенка, между тем как рука постороннего пишет тебе эти слова, по мере того как я произношу их. Подумай, как сильно должно быть мое убеждение, если я имею мужество на моем смертном одре омрачить всю твою юную жизнь с самого начала преступлением твоего отца. Подумай – и остерегайся. Подумай – и прости мне, если можешь».

На этом письмо кончалось. Это были последние слова отца к сыну.

Неумолимо верный к своей вынужденной обязанности, Ниль положил перо и прочел вслух строчки, написанные им.

– Не нужно ли еще что прибавить? – спросил он своим холодным, твердым голосом.

Прибавлять было нечего. Ниль сложил листки, вложил их в конверт и запечатал печатью Армадэля.

– Адрес? – спросил он, не расставаясь со своим безжалостным и деловым формализмом.

«Аллэну Армадэлю-младшему, – написал он со слов, продиктованных умирающим. – Поручается Годфри Гэммику, эсквайру. В контору Гэммика и Риджа, Линкольн-Инн-Фильдз, в Лондоне».

Написав адрес, Ниль ждал и думал.

– Ваш душеприказчик должен распечатать это письмо? – спросил он.

– Нет! Он должен отдать это письмо моему сыну, когда он будет в таких летах, что будет в состоянии понять его.

– В таком случае, – продолжал Ниль, продумавший все вопросы с неумолимой аккуратностью, – я напишу записку, в которой и повторю ваши собственные слова, как вы сейчас произнесли их, и объясню, по каким обстоятельствам мой почерк появился на этом документе.

Он написал записку в самых кратких и ясных выражениях, прочел ее вслух, как читал предыдущее, подписал свое имя и адрес в конце, потом заставил подписать доктора как свидетеля всего происходившего и того положения, в котором находился мистер Армадэль. Сделав это, он вложил письмо во второй конверт, запечатал, как первый, и адресовал к мистеру Гэммику, прибавив к адресу «в собственные руки».

– Вы непременно желаете, чтобы я отправил это на почту? – спросил он, вставая с письмом в руке.

– Дайте ему время подумать, – сказал доктор. – Ради этого ребенка дайте ему время подумать. Одна минута может изменить его намерение.

– Я даю ему пять минут, – отвечал Ниль, положив часы на стол, неумолимо точный до самого конца.

Они ждали, и оба внимательно смотрели на Армадэля. Разительные перемены, уже появившиеся в нем, быстро умножались. Движение, которое постоянное душевное волнение сообщало мускулам лица, начало под тем же опасным влиянием распространяться книзу. Его прежде беспомощные руки уже не лежали неподвижно: они шевелились на простыне. При виде этих зловещих симптомов доктор обернулся с испугом и сделал Нилу знак подойти ближе.

Спрашивайте сейчас, – сказал он. – Если вы будете ждать пять минут, вы опоздаете.

Ниль подошел к кровати. Он тоже заметил движение рук.

– Это дурной знак? – спросил он. Доктор с тревожным видом кивнул головой.

– Предлагайте ваш вопрос сейчас, – повторил он, – а то будет слишком поздно.

Ниль поднес письмо к глазам умирающего.

– Вы знаете, что это?

– Мое письмо.

– Вы непременно настаиваете, чтобы я отправил его на почту?

Больной в последний раз собрал все свои силы и ответил:

– Да!

Ниль подошел к двери с письмом в руке. Немец сделал за ним несколько шагов и раскрыл уже губы, чтобы просить его немного подождать, но встретился с неумолимыми глазами шотландца и воротился к постели. Дверь за Нилем затворилась, и они расстались, не сказав больше ни слова.

Доктор, присев у постели, шепнул умирающему:

– Позвольте мне возратить его, еще есть время. Вопрос повис в воздухе, ответа не было. Ничто не показывало, что больной обратил внимание на него или даже слышал этот вопрос. Глаза его с ребенка перешли на собственно судорожно подергивающуюся руку и с умоляющим видом обратились на сострадательного врача, наклонившегося к нему. Доктор поднял руку Армадэля, остановился, проследил за глазами отца, обращенными на ребенка, и, поняв его последнее желание, положил руку умирающего на голову мальчика. Рука дотронулась до нее и еще сильнее задрожала. Через минуту трепет, овладевший рукой, распространился по всей верхней части тела. Лицо из бледного сделалось красным, из красного багровым, из багрового

опять бледным, потом судорожно подергивавшиеся руки замерли в неподвижности, и цвет лица уже не переменялся.

Окно в смежной комнате было открыто, когда доктор вышел от умершего с ребенком на руках. Он посмотрел в окно и увидел на улице Ниля, медленно возвращавшегося в гостиницу.

– Где письмо? – спросил он.

Двух слов было достаточно шотландцу для ответа:

– На почте.

Книга вторая

Глава I. Тайна Озайяза Мидуинтера

В теплую майскую ночь 1851 года ректор Децимус Брок, находившийся в это время на острове Мэн, удалился в свою спальню в Кэстльтоуне. Серьезная ответственность тяготила его душу, и он не мог еще сообразить, какими способами он может освободиться от неприятного положения, в которое его поставили настоящие обстоятельства.

Ректор дошел до того зрелого периода человеческой жизни, в которой умный человек научился уже уклоняться (так часто, как только позволяет его характер) от всех бесполезных столкновений со своими собственными заботами. Оставив всякое дальнейшее старание принять какое-нибудь решение в том непредвиденном случае, который теперь смущал его, мистер Брок спокойно уселся на кровати и старался сообразить, действительно ли так серьезен этот непредвиденный случай, как он до сих пор думал. Следуя по этому новому пути из лабиринта своего недоумения, мистер Брок совершенно неожиданно устремился к цели посредством самого неприятного из всех странствований для человека – воспоминаниям по прошедшим годам своей собственной жизни.

События тех прошлых лет, воспоминания о тех же самых лицах, более или менее вызывавших его беспокойство, которое теперь мешало пастору заснуть, одно за другим возникали в памяти мистера Брока. Беспокойная память вернула ректора к случившемуся четырнадцать лет тому назад, когда он имел в своем пасторате на сомерсетширском берегу Бристольского канала свидание с одной дамой, совершенно незнакомой для него и для всех в этом месте, которая явилась к нему в кабинет.

Дама эта была блондинка, черты лица ее сохранились хорошо. Она была еще молода, а может быть, и казалась моложе своих лет. В выражении лица ее проступала меланхолия, а в голосе – печаль и страдание. Однако это чувствовалось настолько, чтобы показать, что она имела огорчения, но не настолько, чтобы навязать эти огорчения вниманию других. Дама привела с собой прекрасного белокурого семилетнего мальчика, которого представила пастору как своего сына и в самом начале разговора отослала его играть в сад. Прежде чем она вошла в кабинет пастора, передала ему свою визитную карточку, на которой стояло имя миссис Армадэль. Мистер Брок заинтересовался ею, еще не услышав того, о чем она будет говорить, и, когда она отослала сына, он ждал с некоторым беспокойством, что скажет ему дама.

Миссис Армадэль прежде всего сообщила ректору, что она вдова. Муж ее погиб в кораблекрушении вскоре после их брака, во время путешествия из Мадеры в Лиссабон. После этого несчастья отец привез ее в Англию, а сын родился после смерти отца, случившейся вскоре в фамильном поместье в Норфольке. После смерти ее отца остававшиеся у нее родственники (два брата) совершенно отдалили ее от себя, и – как она боялась – навсегда. Некоторое время жила она в Девонширском графстве, посвятив себя воспитанию сына, который теперь находился уже в таких летах, когда для него были потребны уроки не одной матери. Оставляя в стороне вопрос о том, как ей не хотелось расставаться с сыном в ее одиноком положении, она особенно желала не посылать его в школу к чужим людям. Любимой ее мыслью было воспитать сына дома, чтобы уберечь от всяких столкновений с искушениями и опасностями света. Имея эти цели в виду, она не могла уже оставаться там, где она жила до сих пор (там пастор не был способен занять место воспитателя). Она собрала сведения и узнала, что для нее годится дом поблизости пастората мистера Брока и что мистер Брок прежде имел обыкновение брать учеников. Узнав об этом, она осмелилась явиться сама с рекомендациями, но без формального

представления спросить, не согласится ли мистер Брок взять к себе учеником ее сына, если она предложит выгодные условия.

Если бы миссис Армадэль не имела никакой личной привлекательности или если бы мистер Брок был женат, то, вероятно, поездка вдовы была бы предпринята напрасно. Теперь же ректор, рассмотрев рекомендации, предоставленные ему, просил дать ему время на размышление. Когда это время прошло, он исполнил желание миссис Армадэль – взял на себя воспитание ее сына.

Это было первое происшествие в ряду событий. Оно случилось в 1837 году. Память мистера Брока, переносясь вперед к настоящему, напомнила ему второе происшествие, случившееся в 1845 году.

Местом действия все еще была рыбацья деревенька на сомersetширском берегу, а действующие лица – опять миссис Армадэль и ее сын. В протекшие восемь лет ответственность мистера Брока не слишком тяготила его: мальчик мало подавал повода к беспокойству своей матери и своему воспитателю. Конечно, успехи в ученье шли медленно, но скорее от природной неспособности сосредоточить внимание на занятии, чем от недостатка способности понять урок. Нельзя было опровергать, что его характер был страстный в высшей степени. Он действовал необдуманно, по первому впечатлению, и сгоряча делал заключение. С другой стороны в его пользу можно сказать то, что его характер был самый откровенный. Более великодушного, любящего, кроткого мальчика трудно было бы найти. Особенная оригинальность характера и природное здравомыслие во всех его наклонностях избавили его от многих опасностей, которым неизбежно подвергала система воспитания его матери. Он имел совершенно английскую любовь к морю и ко всему, что к морю относилось, и, когда он вырос наконец, нельзя было отвлечь его от берега моря и от верфи. Однажды мать с досадой и удивлением застала его работающим там. Он признался, что все его мечты в будущем заключаются в том, чтобы иметь свою собственную верфь, а настоящей целью его было научиться построить лодку для себя. Благоразумно предвидя, что такое занятие в свободные часы может примирить мальчика с неимением товарищей его звания и лет, мистер Брок уговорил миссис Армадэль с немалым трудом позволить сыну продолжать выбранное им занятие. В период второго происшествия в жизни ректора молодой Армадэль настолько научился корабельному мастерству, что достиг цели своих желаний и собственными руками заложил киль своей первой лодки.

В один летний день, вскоре после того как Аллэну исполнилось шестнадцать лет, мистер Брок оставил своего ученика прилежно работающим на верфи и пошел провести вечер с миссис Армадэль, взяв с собой «Таймс».

В годы, прошедшие после первой их встречи, отношения ректора и его соседки давно уже установились. Первые попытки к тому, чтобы заслужить расположение вдовы – попытки, которые заставил сделать мистера Брока его возрастающий интерес к миссис Армадэль в первое время их знакомства, она тактично приняла со своей стороны просьбой, заставившей его никогда не говорить об этом более. Она уверила пастора раз и навсегда, что единственное место в ее сердце, которое он мог надеяться занять, было место друга. Он настолько любил ее, что рад был принять все, что она хотела предложить ему. Они сделались и оставались друзьями с того времени. Ревнивое опасение, что другой мужчина будет иметь успех там, где он потерпел неудачу, не вносило горечи в спокойные отношения ректора с любимой им женщиной. Из немногих мужчин, живших в этих окрестностях, миссис Армадэль никого не допускала к короткому знакомству с собой. Она добровольно погребла себя в своем сельском уединении, и никакие радости света, которые могли бы прельстить других женщин в ее положении и в ее летах, на нее не имели ни малейшего действия. Мистер Брок, со своей газетой являвшийся с постоянной аккуратностью за ее чайным столом три раза в неделю, сообщал ей все, что она желала знать о внешнем мире, окружавшем тесные и неизменные границы ее ежедневной жизни.

В тот вечер, о котором идет речь, мистер Брок сел в кресло, в котором он всегда сидел, выпил чашку чая, которую он всегда пил, и развернул газету, которую он всегда читал вслух миссис Армадэль, которая всегда слушала его, прислонившись к спинке того же дивана и всегда с той же самой работой в руках.

– Господи Боже мой! – закричал ректор, с удивлением устремив глаза на первую страницу газеты.

Никогда такого вступления к вечернему чтению не случалось слышать миссис Армадэль. Она с любопытством подняла глаза и попросила своего почтенного друга удостоить ее объяснением.

– Я не верю своим глазам, – сказал Брок. – Здесь есть объявление, миссис Армадэль, адресованное вашему сыну.

Без дальнейших предисловий он прочел следующее объявление:

– «Если эти строки попадутся на глаза Аллена Армадэля, его просят: или пожаловать лично, или прислать свой адрес к гг. Гэммику и Риджу (в Лондоне, в ЛинкольнИнн), которые имеют сообщить ему важное дело, касающееся его. Всякий, кто может сообщить гг. Г. и Р. где можно найти Аллена Армадэля, сделает большое одолжение. Для предупреждения ошибок необходимо заметить, что находящийся неизвестно где Аллен Армадэль – юноша пятнадцати лет и что это объявление напечатано по желанию его родных и друзей».

– Другие родные и другие друзья, – сказала миссис Армадэль. – Это объявление относится не к моему сыну.

Тон, которым она говорила, удивил Брока. Перемена в ее лице неприятно поразила его. Ее нежный цвет щек принял какой-то мертвенно-бледный оттенок. Она отвернулась от своего гостя со страшной смесью замешательства и испуга. Миссис, казалось, вдруг постарела на десять лет.

– Это имя такое необыкновенное, – сказал Брок, вообразив, что он оскорбил ее, и стараясь извиниться. – Казалось решительно невозможным, чтоб могло быть два человека...

– Их два, – перебила миссис Армадэль. – Аллену, как вам известно, шестнадцать лет. Если вы опять взглянете на объявление, вы найдете, что человеку, находящемуся неизвестно где, только пятнадцать лет. Хотя он носит ту же фамилию и то же имя, он, слава Богу, вовсе не родня моему сыну. Пока я жива, главной целью моих надежд и моих молитв будет то, чтобы Аллен никогда его не видел и даже никогда о нем не слышал. Мой добрый друг, я вижу, что удивляю вас. Простите ли вы мне, если я не объясню вам эти странные обстоятельства? В моей прежней жизни были такие несчастья и такие огорчения, что мне слишком тяжело говорить о них даже вам. Поможете ли вы мне забыть это время, никогда не упоминая об этом? Хотите ли вы сделать еще более: хотите обещать мне не говорить об этом Аллену и сделать так, чтобы эта газета не попала к нему на глаза?

Мистер Брок дал требуемое обещание и оставил миссис Армадэль одну.

Ректор был так долго и так искренно привязан к миссис Армадэль, что не мог смотреть на нее с малейшим недоверием. Но бесполезно будет отрицать, что его несколько разочаровало ее недоверие к нему и что он с любопытством смотрел на объявление не раз, возвращаясь домой. Теперь было довольно ясно, что причина, заставившая Армадэль похоронить себя и сына заживо в отдаленной деревеньке, заключалась не столько в том, чтобы держать его на глазах, сколько в том, чтобы не допустить однофамильца сына найти его. Почему она опасалась их встречи? За себя или за Аллена опасалась она этого? Благородное доверие мистера Брока к его другу не позволяло ему разрешить загадку предположением о каком-нибудь проступке миссис Армадэль в прошлом – проступке, с которым соединялись бы те мучительные воспоминания, о которых она намекала, или то отчуждение ее братьев, которое разлучило ее на столько лет с родными и с домашним кровом. В этот вечер мистер Брок собственными руками уничтожил объявление; в этот вечер он решил, что никогда более не будет думать об этом предмете. На

свете был другой Аллэн Армадэль, чужой по крови его ученику и бродяга, которого отыскивали по объявлению в газете. Этот случай открыл ему немного. Более – ради миссис Армадэль – он не желал узнать большего.

Это было второе происшествие из ряда событий, начавшихся со времени знакомства ректора с миссис Армадэль и ее сыном. Воспоминания мистера Брока, касаясь других событий и обстоятельств, остановились на третьем происшествии тысяча восемьсот пятидесятого года.

Пять прошедших к этому времени лет не сделали почти никакой перемены в характере Аллэна. Он просто сделался (употребляя собственные слова его воспитателя) из шестнадцатилетнего мальчика молодым человеком двадцати одного года. Аллэн был такой же откровенный и великодушный, как прежде, точно такой же неизменно веселый, точно такой же опрометчивый и поддававшийся впечатлениям, увлекавшим его. Наклонность его к морю увеличивалась с годами. Начав строить лодку, он теперь с двумя работниками, которыми распоряжался, уже строил яхту в тридцать пять тонн. Мистер Брок добросовестно старался привлечь его к более высоким стремлениям. Он возил его в Оксфорд посмотреть на университетскую жизнь, возил его в Лондон, чтобы развить его ум зрелищем достопримечательностей столицы. Перемена развлекала Аллэна, но ни в чем не изменила его. Он был так же недоступен для мирского честолюбия, как сам Диоген ⁵.

«Что лучше, – спрашивал этот философ, – постараться самому найти способ, как быть счастливым, или представить другим, не могут ли они отыскать этот способ для нас?»

С этой минуты мистер Брок предоставил характеру своего ученика развиваться на свободе. Аллэн непрерывно работал над своей яхтой.

Время, так мало изменившее сына, не так безвредно обошлось с матерью. Здоровье миссис Армадэль быстро разрушалось. По мере того как покидали ее силы, характер ее изменялся к худшему. Она сделалась беспокойнее, более поддавалась болезненным опасениям и фантазиям и все менее чувствовала желание выходить из своей комнаты. После объявления в газете в течение пяти лет ничего не случилось такого, что напомнило бы ей неприятные происшествия ее прежней жизни. Между ректором и миссис не было произнесено более ни одного слова о запрещенном предмете, ни малейшего подозрения не было возбуждено в душе Аллэна о существовании его однофамильца. А между тем, не имея ни малейшего повода к беспокойству, миссис Армадэль в последние годы как-то упорно и странно тревожилась за своего сына. Одно время она радовалась его фантазии строить яхту, что делало его счастливым и занятым в ее глазах. Немного времени спустя она с ужасом говорила о том, как он поплывет по вероломному океану, где ее муж нашел смерть. То в одном вопросе, то в другом она выводила сына из терпения, как этого никогда не случалось в то время, когда она была здоровее и счастливее. Мистер Брок не раз опасался серьезного разлада между ними. Но природная кротость Аллэна, подкрепляемая его любовью к матери, помогла ему переносить эти испытания. Ни одного сурового слова, ни одного жесткого взгляда не вырвалось у него в ее присутствии, он был исполнен к ней неизменной любви и терпения.

Таково было положение сына, матери и друга, когда следующее достопримечательное происшествие случилось с ними. В один пасмурный день в первых числах ноября, когда мистер Брок сочинял проповедь, его посетил хозяин деревенской гостиницы.

После предварительных извинений трактирщик сообщил важное дело, которое привело его в пасторат. Несколько часов назад земледельцы, работавшие в окрестностях, привели в гостиницу молодого человека. Они нашли его расхаживающим по полю их хозяина в таком сильном расстройстве, что приняли это за помешательство. Трактирщик дал приют бедному молодому человеку и послал за доктором, который, осмотрев больного, объявил, что он стра-

⁵ Имеется в виду древнегреческий философ-киник Диоген Синопский, практиковавший крайний аскетизм. По преданию, жил в бочке.

дает воспалением в мозгу и что переезд его в ближайший город, в котором есть госпиталь или лечебница при рабочем доме, по всей вероятности, будет гибелен для его здоровья. Услышав это и приметив, что вся поклажа незнакомца заключается в небольшом дорожном мешке, который был найден возле него на поле, трактирщик тотчас отправился посоветоваться с ректором, что ему делать в таком серьезном и непредвиденном случае.

Мистер Брок был не только ректором, но и судьей этого округа и нисколько не затруднился относительно того, что теперь следует делать. Он надел шляпу и отправился с трактирщиком в гостиницу.

У дверей гостиницы к ним присоединился Аллэн, узнавший о случившемся от других и ожидавший мистера Брока, чтоб посмотреть на незнакомца. В эту же минуту к ним присоединился деревенский доктор, и все четверо пошли в гостиницу.

Они нашли сына трактирщика с одной стороны, а дворника с другой, удерживавших незнакомца на стуле. Молодой, худощавый и невысокого роста, он был так силен в эту минуту, что даже двоим трудно было сладить с ним. Его смуглый цвет лица, большие блестящие карие глаза, черные усы и такая же борода придавали ему вид уроженца юга. Платье незнакомца было несколько изношено, но белье чистое. Смуглые руки нервно подергивались и во многих местах были покрыты синими шрамами от старых ран. Палец одной ноги, с которой он сбросил башмак, ухватился за ножку стула сквозь чулок с той большой силой, которую можно только видеть у тех, кто привык ходить босиком. При том неистовом бешенстве, в котором он теперь находился, невозможно было приметить ничего более. Посоветовавшись с мистером Броком, доктор под своим личным надзором велел перенести больного в тихую спальню в задней стороне дома. Вскоре после того его платье и дорожный мешок были принесены вниз и осмотрены в надежде найти какую-нибудь нить, которая подала бы возможность написать к его друзьям.

В дорожном мешке не было ничего, кроме перемены платья и двух книг – трагедии Софокла на греческом языке и «Фауста» Гете на немецком. Обе книги были истерты от чтения, а на заглавном листе каждой были написаны начальные буквы. О. М. Более ничего в мешке не нашлось.

Потом осмотрели платье, которое было на этом человеке когда его нашли в поле. Из кармана постепенно были вынуты кошелек, в котором лежали соверен⁶ и несколько шиллингов, трубка, кисет, носовой платок и роговой стакан. Последняя вещь найдена была небрежно скомканной в нагрудном кармане сюртука. Это был аттестат, подписанный и с числом, но без адреса. Судя по этому документу, история незнакомца была очень печальная. Он недолгое время занимал место учителя в школе, и в начале его болезни ему отказали из опасения, что его болезнь может быть заразительна и что, следовательно, все заведение может пострадать. Ни малейшего обвинения в дурном поведении не было в аттестате, напротив, школьный учитель с удовольствием свидетельствовал о его способностях и его характере и горячо желал, чтобы он выздоровел в каком-нибудь другом месте.

Аттестат, объяснявший несколько историю этого человека, послужил еще одной цели – он указывал, что заглавные буквы на книге принадлежали его имени. И судья, и трактирщик узнали, что он носил странное и необыкновенное имя – Озайяз Мидуинтер.

Мистер Брок положил в сторону аттестат, подозревая, что школьный учитель с намерением не писал свой адрес, чтобы уклониться от всякой ответственности в случае смерти его коллеги. Во всяком случае, очевидно, было бесполезно при существующих обстоятельствах отыскивать друзей несчастного, если только он имел их. Его привели в гостиницу, и по долгу обыкновенного человеколюбия он должен был остаться пока в гостинице. Затруднение насчет издержек, если бы болезнь приняла затяжное течение, можно было устранить благотворительной подпиской в этих окрестностях или сбором после обедни в церкви. Заверив трактирщика,

⁶ Соверен – английская золотая монета в один фунт стерлингов.

что он подумает по этому вопросу и даст ему знать, как он решится, мистер Брок ушел из гостиницы, не приметив, что оставил там Аллэна.

Прежде чем он отошел шагов на пятьдесят, Аллэн нагнал его. В то время пока продолжался осмотр вещей в гостинице, Аллэн был необыкновенно молчалив и серьезен, но теперь к нему возвратилась его обыкновенная веселость. Посторонний подумал бы, что ему недостает самого обыкновенного чувства сострадания.

– Какое это печальное обстоятельство! – сказал ректор. – Я, право, не знаю, что лучше сделать для этого несчастного человека.

– Можете успокоиться, сэр, – отвечал Армадэль со своим обыкновенным чистосердечием. – Я уже все решил с трактирщиком несколько минут тому назад.

– Вы! – воскликнул Брок с чрезвычайным удивлением.

– Я только сделал несколько простых распоряжений, – продолжал Аллэн. – Наш приятель, учитель, будет иметь все нужное, и с ним станут обращаться как с принцем, а когда доктору и трактирщику понадобятся деньги, они обратятся ко мне.

– Любезный Аллэн, – кротко заметил мистер Брок, когда вы научитесь думать, прежде чем действовать по вашим великодушным впечатлениям? Вы уже истратили гораздо больше денег на вашу яхту, чем позволяют ваши средства...

– Подумайте только! Мы положили третьего дня первые доски на палубе, – сказал Аллэн, переходя к новому предмету со своей обыкновенной непосредственностью. Сделано столько, что по ней уже можно ходить, если только голова не закружится. Я помогу вам подняться по лестнице, мистер Брок, если вы придете посмотреть.

– Выслушайте меня, – настаивал ректор. – Я теперь говорю не о яхте, то есть я упомянул о яхте только для примера...

– И прекрасного примера, – заметил неисправимый Аллэн. – Найдите мне во всей Англии маленькую яхту такой величины, красивее моей, и я завтра же брошу ее строить... О чем мы разговаривали, сэр? Я боюсь, что мы несколько отошли от темы.

– Я боюсь, что один из нас имеет привычку терять нить разговора каждый раз, как раскрывает рот, – возразил Брок. – Полно, полно, Аллэн! Это дело серьезное. Вы взяли на себя расходы, которые не будете в состоянии заплатить. Заметьте, я вовсе не порицаю вас за ваше доброе чувство к этому бедному человеку...

– Не отчаивайтесь за него, сэр, он выздоровеет, он будет совсем здоров через неделю. Отличный человек, я в этом не сомневаюсь! – продолжал Аллэн, который имел привычку верить каждому и не отчаиваться ни в чем. – Не пригласите ли вы его обедать, когда он выздоровеет, мистер Брок? Мне хотелось бы знать, когда мы все трое будем дружески сидеть за вином, как ему досталось такое необыкновенное имя – Озайяз Мидуинтер. Ей-богу, отцу его следовало бы стыдиться самого себя.

– Будете вы отвечать мне на один вопрос, прежде чем я уйду домой? – спросил ректор, с тревогой останавливаясь у своей калитки. – Счет этого человека за квартиру и за лечение может простираться до двадцати или тридцати фунтов, прежде чем он выздоровеет, если только он выздоровеет. Как вы это заплатите?

– Что говорит канцлер казначейства, когда запутается в своих отчетах и не знает, как ему выпутаться? – спросил Аллэн. – Он всегда говорит своему благородному другу, что он готов сократить расход в том или другом...

– То есть оставляя резерв на всякий случай? – намекнул Брок.

– Именно, – сказал Аллэн. – Я похож на канцлера казначейства. Я оставляю в своих расходах резерв – яхта поглощает не все мои доходы. Если у меня недостает фунта два – не бойтесь, сэр. Во мне нет гордости, я пойду по кругу со шляпой и пополнию недостаток сбором с соседей. Позвольте! О чем мы? Опять мы отвлеклись. О! Я вспомнил. Мы говорили о деньгах. Вот чего я не могу вбить в мою тупую голову, – заключил Аллэн, не сознавая, что он пропо-

ведует идеи социализма пастору. – Почему все так хлопочут о том, чтоб денег иметь больше? Почему людям, у которых есть лишние деньги, не отдать их тем, у кого их нет, и таким образом все на свете было бы гладко и хорошо? Вы всегда мне говорите, чтоб я старался развивать хорошие идеи, мистер Брок. Вот эта идея, кажется мне, совсем не дурна.

Мистер Брок шутливо задел своего ученика тростью.

– Ступайте на свою яхту, – сказал он. – Все идеи, какие только могли уместиться в вашей легкомысленной голове, оставьте на яхте в вашем ящике с инструментами. «Как кончит этот мальчик? – продолжал ректор, оставшись один. – Этого не может сказать ни один человек. Я почти жалею, зачем я взял на себя ответственность за его воспитание».

Прошло три недели, прежде чем незнакомец, носивший такое странное имя, почувствовал себя лучше. В это время Аллэн постоянно справлялся о нем в гостинице. И как только больному позволили принимать посетителей, Аллэн первый появился у его кровати. До сих пор ученик мистера Брока не проявлял особого интереса к одному из немногих романтических происшествий, нарушивших однообразие деревенской жизни: он не допустил никакой неосторожности и не подвергнул себя порицанию. Но по мере того как проходили дни, молодой Армадэль стал оставаться в гостинице гораздо долее прежнего, и доктор (человек пожилой и осторожный) посоветовал ректору принять надлежащие меры. Мистер Брок немедленно последовал этому совету и увидел, что Аллэн под влиянием своей обычной впечатлительности ведет себя опрометчиво. Он сильно привязался к изгнанному учителю и пригласил Озайязу Мидуинтера поселиться в этих краях навсегда, видя в нем своего искреннего друга.

Прежде чем мистер Брок сообразил, как ему действовать в таком непредвиденном обстоятельстве, он получил записку от матери Аллэна, просившей своего старого друга навестить ее. Ректор нашел миссис Армадэль в сильном волнении, вызванном свиданием с сыном. Аллэн провел с ней все утро и все время говорил только о своем новом друге. Человек с ужасным именем (так называла его бедная миссис Армадэль) расспрашивал Аллэна с больной пытливостью о нем самом и его родных, но о своей собственной жизни не сказал ни слова. В прежнее время, намекнул он, привык к мореплаванию. К несчастью, Аллэн, влюбленный в море, с восторгом услышал это, и между ними тотчас установилась еще более крепкая связь. Испытывая огромное недоверие к незнакомцу только потому, что он был незнакомцем, – это казалось мистеру Броку довольно безрассудно, – миссис Армадэль уговорила ректора идти в гостиницу, не теряя ни минуты, и непременно заставить незнакомца подробно объяснить, кто он.

– Разузнайте все о его отце и матери, – сказала она со своей женской требовательностью. – Удостоверьтесь, прежде чем оставите его, что это не бродяга, странствующий под чужим именем.

– Любезная миссис Армадэль, – возразил ректор, послушно взяв шляпу, – во всем другом, пожалуй, мы можем сомневаться, но имя этого человека должно быть настоящее. Никакое человеческое существо в здравом рассудке не назовет себя Озайязом Мидуинтером.

– Может быть, вы правы, а я ошибаюсь, только, пожалуйста, повидайтесь с ним, – настаивала миссис Армадэль. – Ступайте и не щадите его, мистер Брок. Мы должны твердо знать, не нарочно ли притворился он больным?

Бесполезно было спорить с ней. Если бы весь медицинский факультет дал свидетельство о болезни этого человека, в теперешнем настроении миссис Армадэль не поверила бы и факультету. Мистер Брок выбрал самый благополучный способ, чтобы выпутаться из затруднения: он не сказал ничего и немедленно отправился в гостиницу.

На Озайязу Мидуинтера, оправившегося от болезни, страшно было смотреть. Его обритая голова, обвязанная старым желтым шелковым носовым платком, его смуглые впалые щеки, его блестящие карие глаза, неестественно большие и какие-то дикие, растрепанная черная борода, длинные, гибкие пальцы, исхудалые от болезни до того, что походили больше на когти, – все произвело на ректора тяжелое впечатление уже в самом начале свидания. Когда

прошло первое неприятное чувство, следовавшее затем было также не весьма приятным. Мистер Брок не мог скрыть от себя, что поведение незнакомца было не в его пользу. Существует мнение, что если человек честен, то он чувствует себя спокойно, прямо смотря на тех, с кем он говорит. Если этот человек не честен, то в разговоре он старается смотреть в сторону, и это выдает его нечестность. Очень может быть, что бегающие глаза незнакомца были следствием той болезни, которая захватила весь его организм и ощущалась в каждом подергивании его худощавого и гибкого тела. У пышущего здоровьем ректора по коже пробегали мурашки при каждом движении гибких смуглых пальцев учителя и при каждом судорожном подергивании его смуглого лица.

«Прости меня, Господи! – думал Брок, вспомнив об Аллэне и его матери. – А я желал бы придумать способ выгнать Озайяза Мидуинтера опять на все четыре стороны!»

Разговор, начавшийся между ними, был очень осторожный. Брок искусно пробовал разузнать все, необходимое ему, но, как ни старался, его вежливо оставляли в неведении насчет того, что ему хотелось знать. С начала до конца разговора Озайяз Мидуинтер ушел от всех попыток ректора разведать его. Он начал уверением, которому невозможно было поверить, глядя на него, – он объявил, что ему только двадцать лет. Все, что можно было попросить его рассказать о школе, наводило на мысль о том, что одно воспоминание о ней было ужасно для него. Он занимал место учителя только десять дней, когда первые признаки болезни заставили отказать ему. Как он добрался до поля, на котором его нашли, – этого он не мог сказать. Незнакомец помнил, что долго ехал по железной дороге с намерением (если только он имел какое-нибудь намерение), о котором он теперь не мог вспомнить, а потом шел по направлению к берегу пешком целый день или целую ночь – наверно он не знал. Море осталось в его памяти, когда рассудок начал ему изменять. Озайяз Мидуинтер в детстве служил на море, потом бросил это место и поступил к книгопродавцу в одном провинциальном городке. И работу книгопродавца бросил и попробовал поступить учителем в школу. На этот раз из школы уволили его, и Мидуинтер должен был выбрать что-нибудь другое. Но незнакомец был уверен, что, возмись он за что бы то ни было, неудача (в которой некого было обвинять, кроме него самого) ожидает его рано или поздно. Друзей, к которым он мог бы обратиться, у Озайяза Мидуинтера не было, а о родственниках он не желает говорить. Он думает, что они, может быть, умерли, а они думают, может быть, что он умер. Нечего опровергать, что это печальное признание в его лета. Это может повредить ему в мнении других и без сомнения вредит в мнении господина, разговаривающего с ним в эту минуту.

Эти странные ответы были даны таким тоном и с таким спокойствием, которые вовсе не показывали горечи с одной стороны и равнодушия с другой. Озайяз Мидуинтер в двадцать лет говорил о своей жизни, как мог бы говорить Озайяз Мидуинтер семидесяти лет, терпеливо перенесший долгие утомительные годы.

Два обстоятельства говорили против того недоверия, с каким мистер Брок смотрел на Озайяза. Он написал в банк, находившийся в отдаленной части Англии, в котором лежали его деньги, взял их оттуда и заплатил доктору и трактирщику. Человек непорядочный, поступив таким образом, не считал бы себя обязанным никому, расплатившись по счетам. Озайяз Мидуинтер говорил о тех, кому он был обязан, особенно об Аллэне, с такой горячей признательностью, что это не только удивительно, но и тягостно было слышать. С большой искренностью восхищался он, что с ним поступили по-христиански в христианской земле. Он говорил о том, что Аллэн взял на себя все издержки по содержанию и лечению его, с признательностью и удивлением.

– Я никогда не встречал человека, похожего на него! Я никогда не слышал ни о ком, кто походил бы на него! – восторгался бывший учитель.

Через минуту этот проблеск признания, сверкнувший, как молния, опять погас во мраке. Его блуждающий взор по-прежнему устремился в сторону от мистера Брока, а голос стал опять неестественно твердым и спокойным.

– Извините, сэр, – сказал он, – я привык к тому, чтобы меня преследовали, обманывали, морили голодом. Все другое кажется мне странным.

Чувствуя к этому человеку и влечение, и отвращение, Брок, прощаясь, протянул было руку, поддавшись минутному побуждению, а потом с замешательством отдернул ее.

– Вы имели доброе намерение, сэр, – сказал Озайяз Мидуинтер, скрестив руки за спиной. – Я не обижаюсь на то, что вы передумали. Тому, кто не может дать о себе отчет, не может подать руки джентльмен, находящийся в таком положении, как вы.

Брок ушел из гостиницы в совершенном недоумении. Прежде чем отправиться к миссис Армадэль, он пошел за ее сыном. Была надежда, что незнакомец забывал свою осторожность в разговоре с Аллэном, и при чистосердечии Аллэна нечего было бояться, что он скроет от ректора то, что происходило между ним и больным.

Тут опять дипломатия Брока не достигла желаемых результатов. Когда Аллэн заговорил, он болтал о своем новом друге с обычным легкомыслием, но он не сказал ничего важного, потому что ему самому ничего не было известно. Они разговаривали о строительстве яхты и мореплавании целыми часами, и Аллэн получил много драгоценных сведений от Мидуинтера. Они обсуждали с помощью диаграмм различные варианты вопроса: как спустить яхту на воду? Иногда они переходили и к другим предметам разговора, о которых Аллэн не мог припомнить в беседе. Неужели Мидуинтер ничего не упоминал о своих родных во время этих дружеских разговоров? Ничего, кроме того, что с ним обошлись нехорошо, черт побери его родных! Высказывал ли он неудовольствие относительно своего странного имени? Ни малейшего! Он подал пример, будучи человеком умным, смеяться над этим именем, к черту его имя! Оно казалось очень хорошим, когда к нему привыкали. Что нашел в Мидуинтере Аллэн? Почему он так к нему привязался? Аллэн нашел в нем то, чего не находил в других. Озайяз не походил ни на кого в этих окрестностях. Все другие были скроены по одному образцу. Каждый был здоров, силен, тупоголов, белокур и грубоват. Каждый пил пиво, курил трубку целый день, ездил на лучшей лошади, охотился с лучшей собакой и пил лучшее вино за своим обедом каждый день. Каждый обмывался каждое утро холодной водой и расхаживал в морозную погоду точно так как все. Каждый хвастался своими долгами и думал, что держать пари на скачках – самый достойный подвиг, какой только может совершить человеческое существо. Конечно, это были хорошие люди в своем роде, но они все походили друг на друга. Встретить такого человека, как Мидуинтер, было истинной находкой. Такого человека, который не был скроен по местному образцу и поступки которого имели то огромное достоинство в этом краю, что они имели свою особенность.

Оставив все увещания до более удобного случая, ректор вернулся к миссис Армадэль. Он не мог скрыть от себя, что мать Аллэна была сама виновата в настоящем необдуманном поступке Аллэна. Если бы он меньше знал с мелким дворянством по соседству и побольше увидел достопримечательностей внешнего мира на родине и за границей, удовольствие пользоваться обществом Озайяза Мидуинтера было бы для него менее привлекательным.

Сознавая неудовлетворительный результат своего посещения Мидуинтера, мистер Брок немало беспокоился о том, как примут его донесение. Его предчувствия скоро оправдались. Как он ни старался смягчить подозрительное нежелание учителя рассказать о себе самом, миссис Армадэль воспользовалась этим для оправдания самых строгих мер, которые она намеревалась принять для того, чтобы разлучить сына с ним. Если ректор не хочет вмешиваться в это дело, она объявила, что сама намерена написать к Озайязу Мидуинтеру. Возражения раздражали ее до такой степени, что она изумила мистера Брока, напомнив ему разговор, происходивший между ними, когда было прочитано объявление в газете. Она запальчиво уве-

ряла, что пропавший Армадэль, о котором говорилось в этом объявлении, и странствующий Мидуинтер, находившийся в деревенской гостинице, может быть, один и тот же человек. Ректор напрасно убеждал ее в том, что невероятно, чтобы кто-нибудь на свете, особенно молодой человек, решился назваться таким именем, если оно действительно не принадлежало ему. Миссис Армадэль ничто не могло успокоить, кроме решительной покорности ее воле. Опасаясь последствий, которые могли бы вызвать сопротивление ей при слабом состоянии ее здоровья, и предвидя возможность серьезного раздора между матерью и сыном, мистер Брок взял на себя обязанность снова повидаться с Мидуинтером и сказать ему прямо, что он должен или подробно объяснить, кто он, или прекратить свою дружбу с Аллэном. Взамен этого он потребовал от миссис Армадэль две уступки: чтобы она терпеливо ждала, пока доктор позволит больному пуститься в путь, и чтобы в этот промежуток времени остерегалась упоминать об этом ее сыну.

Через неделю после этой беседы Мидуинтер уже мог выезжать в кабриолете, принадлежавшем гостинице, которым правил Армадэль; через десять дней доктор объявил, что он может пуститься в путь. Вечером этого дня мистер Брок встретил Аллэна и его друга в одном из перелесков, где они наслаждались последними лучами зимнего солнца. Он подождал, пока молодые люди расстались, и потом пошел вслед за учителем в гостиницу.

Намерение ректора во что бы то ни стало выполнить волю миссис чуть было не было отложено, когда он, приближаясь к этому одинокому человеку, увидел, как учитель медленно шел, как висел его поношенный сюртук на исхудалом теле и как тяжело опирался он на свою нескладную деревянную палку. Не желая слишком постепенно задавать мучительные для учителя вопросы, мистер Брок сперва сделал ему маленький комплимент относительно круга его чтения, имея в виду том Софокла и том Гете, найденные в его дорожном мешке, и спросил, как давно знаком он с немецким и греческим языками. Чуткий слух Мидуинтера, видимо, уловил что-то странное в голосе Брока. Он подозрительно посмотрел в лицо ректора.

– Вы имеете что-то сказать мне, – сказал он, – но не то, что вы теперь говорите.

Нечего было делать, надо было принимать вызов. Очень деликатно, с разными отступлениями, которые учитель выслушал не перебивая, Брок мало-помалу все ближе подвигался к цели разговора. Задолго до того как человек с обычным умом догадался бы, к чему ведет эта речь, Озайяз Мидуинтер сказал ректору, что ему не нужно говорить более.

– Я понимаю вас, сэр, – сказал учитель. – Миссис Армадэль имеет определенное положение в свете, и мистеру Армадэлю нечего скрывать, нечего стыдиться. Я согласен с вами, что не гоюсь ему в товарищи. Самая большая признательность, которую я могу высказать за его доброту, состоит в том, чтобы не пользоваться ею более. Можете быть уверены, что я завтра же уеду отсюда.

Он не сказал ни слова больше и не захотел ничего слушать. С самообладанием, которое в его лета и при его темпераменте было изумительно, он вежливо снял шляпу, поклонился и возвратился в гостиницу один.

Брок дурно спал в эту ночь. Результат свидания в переулке сделал еще труднее задачу понять загадочного Озайяза Мидуинтера.

На следующее утро ректору было принесено из гостиницы письмо, и посланный заявил, что приезжий джентльмен уехал. В письме лежало второе незапечатанное письмо к Аллэну и содержалась просьба к воспитателю Аллэна прежде прочесть письмо самому, а потом или отдать или нет – как сам он заблагорассудит. Письмо было изумительно короткое: оно начиналось и кончалось такими словами:

*«Не осуждайте мистера Брока. Мистер Брок прав. Благодарю вас. Прощайте.
О. М.»*

Ректор передал письмо по назначению, это разумеется само собой, и в то же время написал к миссис Армадэль несколько строк, чтобы успокоить ее известием об отъезде учителя. Сделав это, Брок стал ждать своего ученика, который, вероятно, придет тотчас по получении письма, и ждал его весьма беспокойно. В поведении Мидуинтера могла заключаться какая-нибудь глубоко затаенная причина, но до сих пор было невозможно отрицать, что поступки его опровергали недоверие ректора и оправдывали доброе мнение Аллена.

Утро проходило, а Аллен не являлся. Не найдя его на верфи, где строилась яхта, Брок отправился к миссис Армадэль и там получил такое сообщение от слуги, которое заставило его отправиться в гостиницу. Трактирщик тотчас рассказал, что мистер Армадэль приходил в гостиницу с распечатанным письмом в руке и настоятельно требовал показать, по какой дороге поехал его друг. В первый раз трактирщик видел мистера Армадэля разгневанным, а девушка, прислуживавшая в гостинице, по глупости рассказала еще об одном обстоятельстве, которое подлило масла в огонь. Она сообщила, что слышала, как мистер Мидуинтер заперся в своей комнате ночью и громко рыдал. Это ничтожное, по мнению трактирщика, обстоятельство вызвало ярость мистера Армадэля. Он начал ругаться, бросился в конюшню, заставил конюха оседлать ему лошадь и поскакал во весь опор по той дороге, по которой Озайяз Мидуинтер поехал рано утром.

Поручив трактирщику не говорить о поступке Аллена, если кто-нибудь из слуг миссис Армадэль придет в гостиницу, Брок вернулся домой и с беспокойством ждал, что же будет дальше.

К его огромному облегчению, ученик явился в пасторат довольно поздно в этот же день. Аллен вел себя с достоинством и говорил с твердой решимостью, совершенно новой для его старого друга. Не ожидая расспросов, он сам все рассказал со своей обыкновенной прямоотой. Аллен нагнал Мидуинтера на дороге и сначала старался уговорить его возвратиться, а потом захотел узнать, куда он едет, и, наконец, угрожал не отставать от него и таким образом вырвал признание, что тот едет попытать счастья в Лондон. Добившись ответа, Аллен спросил адрес своего друга в Лондоне, и, хотя друг умолял его не настаивать, он все-таки получил адрес, обратившись к признательности Мидуинтера, за что, искренне стыдясь самого себя, впоследствии выпросил прощение Мидуинтера.

– Я люблю этого бедного человека и не брошу его, – заключил Аллен, стукнув кулаком по столу. – Не бойтесь, что я рассержу матушку. Я предоставлю вам говорить с нею, мистер Брок, когда и как вы хотите, а я прибавлю только вот что для того, чтобы кончить это дело, – адрес друга в моей записной книжке. Я в первый раз твердо держусь моего намерения. Я дам вам и моей матери время подумать об этом, а когда это время пройдет, если мой друг Мидуинтер не приедет ко мне, я поеду к моему другу Мидуинтеру.

На том дело вроде и кончилось, но это только казалось... Вот какие были последствия того, что изгнанного учителя опять отправили на все четыре стороны.

Прошел месяц, и настал новый год – 1851. Вспоминая этот короткий промежуток времени, Брок мысленно остановился с тяжелым сердцем на самом печальном, самом трагическом событии из всего ряда происшествий – смерти миссис Армадэль.

Первое предостережение о приближавшемся несчастье было получено вскоре после отъезда учителя, в декабре, и произошло из обстоятельства, мучительно тяготившего воспоминания ректора с того самого времени.

Через три дня после отъезда Мидуинтера в Лондон к мистеру Броку, когда он шел по деревне, обратилась опрятно одетая женщина в черном шелковом платье, в такой же шляпке и в красной шали. Эта женщина была совершенно незнакома мистеру Броку. Она попросила его указать дорогу к дому миссис Армадэль. Незнакомка задала свой вопрос, не поднимая густой черной вуали, закрывавшей ее лицо. Брок, указав ей дорогу, заметил, что это была

замечательно изящная и грациозная женщина. Он смотрел ей вслед, когда она поклонилась и отошла от него, спрашивая себя, кто бы могла быть гостьей миссис Армадэль.

Четверть часа спустя дама все еще с опущенной вуалью опять прошла мимо мистера Брока в гостиницу и поговорила там с трактирщицей. Увидев, что трактирщик после этого поспешил в конюшню, мистер Брок спросил его: не уезжает ли эта дама? Да, она приехала со станции железной дороги в омнибусе, но теперь отправляется в экипаже, нанятом ею в гостинице.

Ректор пошел дальше, удивляясь, почему его мысли с любопытством возвращаются к женщине, совершенно ему незнакомой. Вернувшись домой, он узнал, что его ждет деревенский доктор с поручением от матери Аллена. Час назад за доктором прибежали от миссис Армадэль. Тот нашел ее в сильном нервном припадке, вызванном, как слуги подозревали, неожиданной и, может быть, неприятной гостьей, которая была у нее в это утро. Доктор сделал все необходимое и не ожидал никаких опасных последствий. Узнав, что его пациентка желает немедленно видеть мистера Брока, он счел нужным исполнить ее желание и взялся сам зайти в пасторат.

Испытывая к миссис Армадэль более глубокое участие, чем ее доктор, мистер Брок, войдя в комнату, увидел на лице ее, когда она повернулась к нему, тревожные признаки, дававшие повод к серьезному опасению. Миссис не дала ему случая успокоить ее. Она не стала отвечать на его расспросы. Она желала слышать ответы только на свои вопросы, и она решительно добивалась этих ответов: видел ли мистер Брок женщину, которая осмелилась прийти к ней в это утро? Да. Видел ли ее Аллен? Нет. Аллен работал все время после завтрака и теперь еще был на своей верфи. Этот последний ответ ректора, по-видимому, успокоил миссис Армадэль. Она задала следующий вопрос – самый странный из всех – гораздо спокойнее: как думает ректор, согласится ли Аллен оставить свою яхту на время и поехать с матерью подыскать новый дом в какой-нибудь другой части Англии? С величайшим изумлением мистер Брок спросил, по какой причине миссис Армадэль желает оставить свое настоящее местопребывание? Названная причина, когда миссис Армадэль объяснила ее, еще более увеличила удивление ректора – за первым посещением этой женщины может последовать второе, но скорее, чем она появится опять, скорее, чем может случиться, что Аллен увидит ее и будет говорить с нею, миссис Армадэль хотела уехать из Англии, даже если окажется необходимым доживать остаток дней на чужой земле. Призвав на помощь свою судейскую опытность, мистер Брок спросил, не приходила ли эта женщина просить денег. Да, хотя она была одета прилично, она, сделав упор на свои «стесненные обстоятельства», просила денег и получила их, но вопрос о деньгах не имел никакого значения. Главное – необходимость уехать до возвращения этой женщины. Удивляясь все более и более, Брок осмелился задать еще вопрос: давно ли миссис Армадэль встречалась в последний раз со своею гостьей? Да, с того времени прошло столько же лет, сколько теперь Аллену – двадцать один год.

Услышав этот ответ, ректор решил задать другой вопрос, вспомнив то, что он слышал от миссис Армадэль в ходе доверительной беседы. Он спросил:

– Эта особа имеет какое-нибудь отношение к тягостным воспоминаниям о вашей прежней жизни?

– Да, с тягостными воспоминаниями о времени моего замужества, – отвечала миссис Армадэль. – Она принимала участие, будучи ребенком, в одном обстоятельстве, о котором я должна думать со стыдом и горестью до самой моей смерти.

Брок приметил, как изменился голос его старого друга и с какой неохотой дала она этот ответ.

– Не можете ли вы мне рассказать о ней подробнее, не упоминая о себе? – продолжал он. – Я уверен, что я могу защитить вас, если вы только поможете мне немножко. Ее имя, например. Вы можете сказать мне ее имя?

Миссис Армадэль покачала головой.

– Имя, под которым я ее знала, – сказала она, – будет для вас бесполезно. Она вышла замуж после того – она сама мне так сказала.

– И не сказала, как ее зовут теперь?

– Она не хотела сказать.

– Вы знаете что-нибудь о ее родных?

– Только о тех родных, каких она имела, будучи ребенком. Они называли себя ее дядей и тетей. Это были люди низкого происхождения, они бросили ее в школе в поместье моего отца. Мы о них ничего потом не слыхали.

– Она осталась на попечении вашего отца?

– Она осталась на моем попечении, то есть она поехала с нами. Именно в то время мы уезжали из Англии на Мадеру. Отец мой позволил мне взять ее с собой и приучить ее к должности моей горничной.

При этих словах миссис Армадэль в замешательстве остановилась. Мистер Брок мягко старался заставить ее продолжать. Это было бесполезно. Она вскочила в сильном волнении и начала ходить по комнате взад и вперед.

– Не спрашивайте меня более! – закричала она громким и сердитым голосом. – Я рассталась с ней, когда ей было только двенадцать лет. Я не видела ее и никогда не слыхала о ней до сих пор. Я не знаю, как она нашла меня после стольких прошедших лет, я знаю только, что она нашла меня. Теперь она найдет Аллэна и волеет в душу моего сына яд против меня. Помогите мне уехать от нее! Помогите мне увезти Аллэна, прежде чем она вернется!

Ректор не задавал более вопросов – было бы жестоко принуждать ее объясняться подробнее. Прежде всего было необходимо успокоить ее обещанием исполнить ее желание, потом надо было убедить пригласить другого доктора. Брок успел достигнуть последнего, напомнив, что ей нужны силы для путешествия и что ее всегдшний доктор скорее вылечит ее, если ему поможет совет другого хорошего доктора. Преодолев таким способом ее обычное нежелание видеть посторонних, ректор тотчас отправился к Аллэну и, деликатно скрыв, что миссис Армадэль говорила ему, сообщил, что его мать была серьезно больна. Аллэн не хотел и слышать о том, чтобы послать слугу за доктором. Он тотчас сам поехал на железную дорогу и пригласил доктора из Бристоля телеграфной депешей.

На следующее утро доктор приехал, и опасения Брока подтвердились. Деревенский доктор с самого начала не понял болезни, теперь было уже поздно поправлять его ошибку. Потрясение вчерашнего утра довершило дело. Дни миссис Армадэль были сочтены.

Сын, нежно любивший ее, старый друг, для которого ее жизнь была драгоценна, тщетно надеялись до самого конца. Через месяц после приезда бристольского доктора всякая надежда исчезла, и Аллэн пролил первые горькие слезы в своей жизни на могиле своей матери.

Она умерла спокойнее, чем Брок предполагал, оставив все свое маленькое состояние сыну и поручив его попечению своего единственного друга. Ректор умолял миссис позволить ему написать ее братьям и постараться примирить их с нею, пока еще не поздно. Она отвечала с грустью, что теперь уже поздно. Но в свой последний час она обратилась с просьбой, в которой был единственный намек на те прошлые горести, которые так тяготили ее в последующей жизни и которые трижды становились, как тени зла, между ректором и нею. Даже на своем смертном одре она не хотела объяснить историю прошлого. Она посмотрела на Аллэна, стоявшего на коленях возле кровати, и шепнула Броку:

– Не позволяйте его соименнику приближаться к сыну! Не допустите, чтобы эта женщина отыскала его!

Ни одного слова более не вырвалось у нее о несчастиях, пережитых ею в прошлом, или бедах, которых она опасалась в будущем. Тайну, которую миссис Армадэль скрывала от сына и от друга, она унесла с собой в могилу.

Когда последний долг любви и уважения был исполнен, Брок счит своей обязанностью, как душеприказчик покойной, уведомить ее братьев о ее смерти. Полагая, что он имеет дело с людьми, которые, вероятно, ошибочно перетолкуют его поступок, если он не объяснит положение Аллэна, он позаботился напомнить им, что сын миссис Армадэль обеспечен и что цель его письма состоит только в том, чтобы сообщить о кончине их сестры. Оба письма были отправлены в половине января, и с первой почтой ответы были получены. Первое письмо, распечатанное ректором, было написано не старшим братом, а единственным сыном старшего брата. Молодой человек после смерти своего отца недавно получил в наследство Норфолькское поместье. Он писал дружелюбно и чистосердечно и уверял мистера Брока, что, как ни сильно отец его был предубежден против миссис Армадэль, его неприязненное чувство не распространялось на ее сына. Ему только хотелось бы прибавить, что он будет очень рад принять своего кузена в Торп-Эмброзе, когда бы он ни вздумал приехать к нему.

Второе письмо было совсем не так приятно, как первое. Младший брат был еще жив и не отступал от своего намерения ни простить, ни забыть. Он уведомлял мистера Брока, что выбор мужа его покойной сестрой и ее поступок с отцом во время ее замужества сделали невозможными всякую привязанность или уважение с его стороны, следовательно, и его племяннику, и ему самому были бы тягостны личные сношения. Он говорил в общих выражениях о неприятностях, разлучивших его с покойной сестрой, только для того, чтобы, уверить мистера Брока, что о личном знакомстве с молодым Армадзлем нечего было и думать, и в заключение просил позволения прекратить переписку.

Мистер Брок благоразумно уничтожил тут же второе письмо и, показав Аллэну приглашение его кузена, посоветовал ему отправиться в Торп-Эмброс так скоро, как только он будет чувствовать себя в силах встречаться с посторонними. Аллэн выслушал этот совет довольно терпеливо, но отказался воспользоваться им.

– Я охотно пожму руку моему кузену, если встречу с ним, – сказал он, – но я не буду гостем в том доме, в котором с моей матерью так дурно обошлись.

Брок твердо возражал Аллэну, стараясь показать это обстоятельство в его настоящем свете. Даже в то время, когда он еще не знал о происшествиях, уже угрожавших своим приближением, одинокое положение Аллэна в свете возбуждало серьезное беспокойство его старого друга и воспитателя... Поездка в Торп-Эмброс открывала возможность для Аллэна приобрести друзей и связи, приличные его званию и возрасту, но Аллэна уговорить было невозможно. Он упорно и безрассудно не поддавался убеждениям, и ректору ничего более не оставалось, как прекратить этот разговор.

Недели проходили однообразно одна за другой. Аллэн не выказывал легкомыслия, свойственного его летам и характеру, стойко переносил несчастье, сделавшее его сиротой.

Он построил и спустил на воду свою яхту, но даже работники заметили, что это занятие потеряло для него интерес. Молодому человеку как-то было несвойственно предаваться горести так, как Аллэн предавался ей теперь. По мере приближения весны Брок начал тревожиться относительно того, что будет, если Аллэна не развлечет немедленно переменой места. После многих размышлений ректор решился на поездку в Париж и даже далее, на юг, если его спутник изъявит желание путешествовать по континенту. Согласие Аллэна на это предложение смягчило его упорный отказ познакомиться с кузеном. Он охотно соглашался ехать с Броком, куда ему было угодно. Ректор поспешил воспользоваться его согласием, и в половине марта оба спутника отправились в Париж через Лондон.

В Лондоне мистер Брок неожиданно почувствовал новое сильное беспокойство. Неприятное воспоминание об Озайязе Мидуинтере, забытое с начала декабря, опять выплыло на поверхность и стало ректору еще неприятнее прежнего в самом начале путешествия.

Положение Брока в этом сложном деле было довольно затруднительно с самого первого появления Мидуинтера. Теперь же положение это стало еще более невыгодным. Обстоятель-

ства сложились так, что разногласия между Аллэном и его матерью относительно учителя не имели никакого отношения к болезни, ускорившей смерть миссис Армадэль. Намерение Аллэна воздержаться от раздражительных слов и нежелание Брока касаться неприятного события заставляли их обоих молчать о Мидуинтере в присутствии миссис Армадэль в те три дня, которые прошли между отъездом учителя и появлением незнакомой женщины в деревне. В период горя и страданий, последовавших после кончины матери, не было возможности начинать разговор об учителе. Немного успокоившись после похорон, Аллэн упорно подчеркивал свое участие в судьбе нового друга. Он написал Мидуинтеру о своем несчастье и предлагал (если только ректор формально не воспротивится этому) навестить его, прежде чем они отправятся в Париж на следующее утро. Что было делать Броку? Нельзя было отрицать, что поведение Мидуинтера опровергало необоснованное недоверие к нему миссис Армадэль. Если бы ректор, не имея никакой убедительной причины, на которую он мог сослаться, и не имея никакого права вмешиваться, кроме того права, которое предоставляла ему вежливость Аллэна, отказался одобрить предполагаемое посещение, тогда он должен был сказать «прости» прежде, нежели доверию воспитателя и ученика в предполагаемом путешествии. Окруженный затруднениями, которыми, может быть, пренебрег бы менее справедливый и менее добрый человек, Брок сказал слова предостережения при расставании и (чувствуя более доверия к скромности и самоотвержению Мидуинтера, чем ему хотелось признаться даже себе самому) предоставил Аллэну полную свободу поступать по-своему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.